

В поисках за золотом

I.

От Петербурга до С.-Франциско.

18 апреля 1900 года мы выехали из Петербурга в Лондон и далее. Путь предстоял нам не близкий: ни много - ни мало должны мы были пересечь Атлантический океан, проехать поперёк всю Америку, в С.-Франциско сесть на зафрахтованный для нашей экспедиции пароход «Самоа» и на нём следовать в Берингов пролив к берегам Чукотского полуострова, чтобы искать там золото. Наша экспедиция была смешанная: русско-английско-американская. Вот история её возникновения в самых коротких чертах.

На восточном берегу Берингова пролива в Аляске, года 3 - 4 назад, были сделаны богатейшие открытия золота, а затем, естественно, внимание всех обратилось и на наши берега, и уже года два назад некоторые предприимчивые американцы пробовали искать золото и у нас. Наконец, в начале 1900 года составила целая компания капиталистов, которая и явилась в Петербург ходатайствовать о разрешении ей искать и разрабатывать золото на нашем берегу. Но и русские не дремали. За несколько времени до прибытия американско-английских капиталистов исключительное право искания о разработки золота и других полезных ископаемых было предоставлено полковнику В.М. Вонлярлярскому, и таким образом, иностранным гостям пришлось иметь дело уже не с русским правительством, а с частным лицом.

Между тем, и г-н Вонлярлярский был поставлен в очень затруднительное положение: отдалённость Чукотского полуострова, отсутствие военной охраны берегов и давно установившиеся у чукчей с американцами-китобоями торговый сношения — всё это заставляло предполагать, что чисто русская экспедиция может попасть в очень неприятное положение при столкновении с американскими хищниками, прилив которых на нашу территорию ожидался в очень значительных размерах.

Организовать-же вооружённую охрану такой громадной береговой полосы стоило бы страшных денег. Поэтому, когда англо-американские капиталисты предложили принять их в дело, то г-ну Вонлярлярскому был прямой расчет согласиться, так как, заинтересованные в предприятии, они, конечно, сами позаботились бы об охране берегов от хищнических набегов своих соотечественников. Таким образом, и создалась наша «пёстрая экспедиция», как прозвал её один русский, с которым мы встретились в С.-Франциско.

И действительно, «пёстрая»: в состав нашей экспедиции входили русские, поляки, американцы, англичане, евреи, норвежцы, китайцы и даже был один осетин! Но в таком «пёстром» виде составила она только в С. Франциско; из Петербурга же в Лондон мы выехали в следующем составе: г-н Вонлярлярский с женой¹, начальник экспедиции горный инженер К.И. Богданович с женой, переводчик, обрусевший англичанин А.М. Макферсон, доктор экспедиции И.Н. Акифиев, казак-осетин Н. Сеолев и пишущий эти строки в качестве помощника г-на Богдановича.

Быстро мчал нас *nord-express*, и 20 числа мы были уже в Лондоне, а 22 прощались с г-м Вонлярлярским и его супругой, отъезжая в Ливерпуль, чтобы попасть к отходу парохода «Compania», который должен был доставить нас в Америку.

21 уже к вечеру мы покинули Европу.

На «Compania» наше общество пополнилось; к нам присоединились: м-р Беккер — изящный, красивый англичанин, главный компаньон г-на Вонлярлярского; м-р Робертс, — но о нём следует сказать несколько слов поподробнее. Ему было 72 года; дряхл он был так, что, буквально, сидя засыпал, а проснувшись, с трудом поднимал веки, за что и получил прозвание Вия или «поднимите мне веки». Нам сказали, что он настоящий человек золотого дела, что он на золоте два или три миллионных состояния нажил и прожил; что имя м-ра Робертса известно по всей Америке, что нет более опытного «prospector'a»². На этом основании его положение в экспедиции было особое: все иностранцы, равно как и мы, русские, обязаны были быть в полном распоряжении г-на Богдановича; все, но не м-р Робертс, о котором м-р Беккер просил Богдановича: «очень прошу вас предоставить м-ру Робертсу полную свободу в выборе методов искания золота и принять все орудия и машины, которые он пожелает». И никому, конечно, и в голову не приходило сомневаться в такой оценке его: к чему бы иначе нужно было тащить такую развалину в далёкое и небезопасное путешествие?

Затем ехал с нами майор Стерн, — обамериканившийся еврей. Он говорил по немецки, и потому мы с ним больше, чем с другими, разговаривали, и хотя он был представитель капиталистов, но держал себя очень скромно, как-то в тени, всегда был неизменно вежлив и корректен, и когда, впоследствии, мы указывали ему на разные безобразия по оборудованию экспедиции, в котором он принимал деятельное участие, то майор, выпучивая глаза и поднимая типичным жестом еврея руки кверху, неизменно с выражением крайнего негодования восклицал: О-о! Das ist schraklich!.. но дальше этого не шёл.

¹ Они должны были остаться в Лондоне.

² Искатель золота.

Ехало с нами ещё несколько молодых людей, но мы не знали их отношения к экспедиции.

Итак, 22 апреля мы вышли с Ливерпульского рейда, а 29 ошвартовались уже в Нью-Йорке. Весь переход, значит, сделали в 7 суток, а должны были сделать всего в 5 суток с часами. Задержка произошла вследствие страшного шторма, в который мы попали тотчас по выходе из Гольфштрема. Шторм был так силён, что громадная «Compania» совершенно зарывалась в волнах, и ход пришлось сбавить с 40 вёрст до 5 - 6 в час.

Часов в 8 вечера 29 апреля мы медленно вошли в Гудзон, миновали грозные форты и маяк-памятник «Свободы» и остановились против пристани. Громадная «Compania» не могла самостоятельно повернуть в широкой реке, и смешно было смотреть, как два лилипута парходика, упёршись носами с разных сторон в корму и нос «Compania», работая полным ходом вперёд, — повернули её на месте, и она подошла к пристани.

Не смотря на очень целесообразную организацию неприятного таможенного досмотра, мы всё же только около часу ночи попали в отель Вальдорф Астория — громадное здание, в котором мы не преминули заблудиться не один раз.

В Нью-Йорке мы пробыли всего два дня, и он совершенно оглушил меня. Электрические, конные, паровые, канатные трамваи и железнодорожные поезда с грохотом, шипеньем, звонками и свистом несутся мимо вас и справа, и слева, и спереди, и сзади, и даже над вами по неуклюжим, тяжёлым эстакадам. Тут же тысячи возов — не наших, а громадных, пудов на 400 — 600 и более, запряжённых парой слонообразных коней, медленно двигаются, сталкиваются в сутолоке уличной жизни и разъезжаются. Лёгкие, изящные кабриолеты, запряжённые блестящими англазированными рысаками, бесшумно и грациозно скользят по улицам, искусно лавируя между тяжеловозами и трамваями; от тысяч же велосипедистов — просто в глазах рябит, а тут ещё сотни мальчуганов, то с газетами, то с плодами, то бог знает с какой ещё дрянью шныряют, как бесы, в этой многотысячной движущейся толпе и пронзительно выкрикивают. Полиции совсем мало и корректные полисмены, кажется, за тем только и существуют, чтобы переводить с угла на угол растерявшихся дам.

Но вот мы снова в поезде и с головокружительной быстротой мчимся в Вашингтон в превосходном вагоне, по превосходному полотну, и к вечеру мы в столице Штатов.

Положительно не может быть города лучше Вашингтона! В нём нет той скученности домов, какая замечается в Нью-Йорке или Чикаго, нет и 30-этажных гигантов, что, как гнилые зубы в челюсти, лезут вверх, нет того адского движения. Улицы широки, обсажены иногда в несколько рядов деревьями. Масса садов и парков, изящная архитектура зданий — всё это уже

привлекает. И если Нью-Йорк, Чикаго, С.-Франциско — столицы промышленности, то Вашингтон, бесспорно, столица интеллектуальной жизни страны.

За пять дней, которые мы там прожили, мы успели осмотреть все музеи (а их там не мало), побывать в приёмной Белого Дома, взобраться на самый верх обелиска Вашингтона (70 саж. высоты), посмотреть на заседания конгресса и сената, заглянуть в пустую в то время залу Верховного Суда, обежать изумительно богатый и изящный дворец национальной библиотеки и даже, при осмотре министерства финансов, зачем-то познакомиться с старшим секретарём министра.

Я не стану всего этого описывать подробно, — скажу только, что между музеями русскими и американскими¹ главная разница в том заключается, что у нас есть что показать, но нет помещений, а у американцев скорее наоборот: роскошные помещения и почти нечего показывать, хотя есть и очень богатые некоторые отделы музеев; так, например, в этнографическом музее очень богат отдел индейский, но и только; другие же отделы до жалости бедны: например, славянские племена представлены всего парой болгар!

Относительно искусства во всех его подразделениях у меня осталось впечатление, что у американцев своего собственного искусства почти нет. В Вашингтонском Эрмитаже «Corcoran gallery of Arts» собрано множество скульптурных произведений и картин, но это всё в лучшем случае оригиналы европейских мастеров или посредственные копии с их творений².

Не могу здесь не сказать несколько слов об одной картине нашего соотечественника — Айвазовского. Их собственно две. Одна изображает «приход в Либаву американского судна с хлебом» в голодный 92 год, а другая называется «Привоз американского хлеба в русскую деревню». Вот она-то и любопытна. На первом плане картины лихая тройка с расписной дугой и бубенцами мчится во весь опор. Сани, чуть ли не ковровые, полны хлебом. Тройкой правит мужик, а на возу стоит молодой парень и держит в руках знамя. За этой тройкой видна целая вереница таких же бешеных троек, исчезающих в туманной перспективе улицы. В той же туманной перспективе видны прекрасные избы с тесовыми крышами, с резными коньками и наличниками. Даже, помнится, они украшены флагами! Из изб выбегает народ, машет шапками и, очевидно, кричит «ура»! Кто видал в жизни привоз хлеба в русскую голодную деревню, того не может не возмутить эта шутовская декорация.

¹ Я говорю лишь о музеях Вашингтона и С.-Франциско.

² Только в отделе акварелей есть очень не дурные вещицы чисто американского происхождения; по большей части они помечены женскими именами их творцов.

В отделе скульптурном вас поражает масса гипсовых копий с античных статуй, сделанных так грубо, что даже швы, образующееся при отливке, не стёрты.

Почти не имея ярких представителей искусства, американцы также мало развиты и в отношении музыки; их любимые инструменты — банджо и ксилофон — оба до последней степени не музыкальные. Но уже прямо бич Божий в Америке — это всевозможные фонографы, графофоны, микрофоны и тому подобные механические музыкальные инструменты. Когда вы идёте после 6 часов (т.е. после закрытия лавок и контор) по неторговым жилым улицам, вы там и тут можете наблюдать, как на крылечке расположилось целое семейство и наслаждается спокойствием, чудным воздухом и... тишиной, хотел я сказать, да вот и нет, тишины-то именно и не достаёт. Её нарушают несущиеся из каждого дома, из каждой квартиры звуки фонографов с братией. Крикливые, шипящие, они перебивают друг друга, несут разноголосицу и порой сливаются в такую какофонию, что хоть уши зажимай... А добродетельные янки сидят, посасывают сигары и сосредоточенно слушают... Тоже и в танцах. Нельзя быть в театре или в кафе-шантане, чтобы не увидеть любимого танца американцев — негритянского. Неграциозный, грубый и нелепый, он надоел мне с первого же дня. А американцы наслаждаются и смотрят, как танцуют его на подмостках и мужчины, и женщины, и даже дети 3 - 4 лет: и вместе, и порознь, и в костюмах, и почти без таковых. При мне однажды подвизалось целое семейство, состоящее из папа, мама, мальчугана лет 7 - 8 и девчурки лет 3-х. Восторг достиг апогея, когда девчурка, по примеру канканирующей мамы, задрала спереди юбочку...

А театр? Я был и в Вашингтоне, и в С.-Франциско в сложности раз десять в театрах, и меня поражали следующие черты американской публики. Во-первых, ей, вероятно, необходима смена впечатлений, и поэтому программа представлений чрезвычайно разнообразна: водевиль сменяется пением, пение — танцами, танцы — фокусами, фокусы — гимнастами, гимнасты — кинематографом, а этот последний — каким-нибудь актом, из оперы.

Во-вторых, наибольший фурор производят грубые внешние эффекты. Не обходится ни одной комедии или водевиля, чтобы ктонибудь когонибудь не выкинул за окно или не сотворил чтонибудь подобное. Мать, например, часто выбрасывает за окно своего ребёнка, муж — жену или её любовника, и в таком случае за окном слышится треск и грохот, будто целый железнодорожный поезд свалился. А публика довольна. Хохочет так заразительно, что невольно смеёшься и сам. Но ещё больший восторг вызывают злободневные куплетисты. Не стеснённые цензурой, они добродушно или ядовито высмеивают и крупных политических деятелей, и своих, и чужих, и полицию, и плутни добродетельных буржуа — раскаты хохота иногда не дают им возможности

петь. Этот здоровый, свободный смех возбуждал во мне только чувство зависти.

Но приглядитесь к публике... Вы увидите, как она разнообразна.

Вот сидит почтенная старушка в больших очках; дальше молодая, наверно, супружеская чета. От смеха молоденькая миссис совсем ослабела и кладёт головку на плечо своего спутника; дальше — звенят весёлые девичьи голоса — это целая компания 14 - 15-летних мисс, которые одни пришли сюда, одни и уйдут, и в голову никому не приходит, что к ним могут пристать нахалы, что ктонибудь их обидит. Вот изящно одетый, в сверкающей белизной рубашке джентльмен, но его лицо слишком заветрилось, его руки черны и носят много следов ожогов: можно поручиться, что это слесарь с ближайшего завода. Вот целая семья с двухлетним гражданином на коленях у матери; вот ряд молодёжи — это приказчики из магазинов. Вся эта публика наработалась и теперь хочет отдохнуть, хочет веселиться. Ей не нужно острых развлечений (хотя вкусы толпы и грубы). Веселье в ней самой сидит и рвётся наружу. Такого искреннего, массового хохота я в России не слышал.

Но американцы любят комфорт, и поэтому в театрах всюду стоят или столики, садясь за которые, вы заказываете себе какое-нибудь питьё, на что американцы великие мастера, или, если стулья стоят непрерывными рядами, то позади спинок стульев каждого ряда прикрепляется узенькая полочка, на неё вы ставите поданные стаканы. В промежутках между номерами программы stuart'ы меняют стаканы и получают деньги. В зрительном зале курят все, но почему-то в Америке употребляются какие-то особенные спички, которые янки зажигают о подошву сапога с страшным треском, и вы можете зачастую видеть, как изящный джентльмен, желая дать вам огня, вдруг быстро лягает ногой и в тот же момент раздаётся треск — это он успел чиркнуть спичкой о подошву сапога.

В зале курят все, но только не дамы. Американские дамы публично не пьют и не курят, но великолепно всё это проделывают дома или в кружке близких людей. Все это знают, но английское лицемерие привилось в данном случае крепко. Однажды, в шикарном ресторане после завтрака наша спутница закурила папироску вместе с мужчинами. К старшему из нашей компании немедленно подошёл stuart и просил предложить даме не курить, так как в противном случае ей придётся оставить зал. А мужчины все дымили, кто во что горазд — сигары, сигаретки и даже трубки...

Пробыв в Вашингтоне пять суток, мы через Чикаго отправились в С.-Франциско в великолепном пульмановском поезде. В самом Чикаго мы пробыли всего 2 часа, но этого было довольно для того, чтобы мы с г-м Макферсоном успели сбегать взглянуть на озеро.

Этот путь уже столько раз описан, что повторять описание поезда, поездных порядков, видов попутных — скучно. Мне хочется рассказать только о двух своих наблюдениях.

Однажды ночью, когда мы уже поднялись на плоскогорье Uta, я почувствовал, что мы стоим и стоим что-то долго. Одеться было делом одной минуты, и, выскочив из вагона, я увидел, что наш поезд остановился на разъезде среди пустыни. Сзади него на тех-же рельсах стояли ещё два поезда — значит, стоим давно. Расспросить я не умел и потому решил, что впереди случилось несчастье, путь загромождён, и мы ждём его очистки: стало быть, можно погулять. Солнце взошло. Воздух на высоте 7,000 футов был прозрачен и чист. Ни кустика, ни селения вблизи. Незаметно я отошёл с полверсты на ближайший холмик. За холмом оказалось озеро, и я спустился к нему. Поезд от меня скрылся. Передо мною была пустыня, суровая, величавая. Тишина полная — та жуткая тишина, от которой в ушах звенит. Я присел на камень и у ног, на песке увидел пулю винчестера. В моей памяти живо воскресли запавшие с детства картины дикой американской жизни. Кто ими не увлекался? Кто не воображал себя Медвежьим Когтем или Смелой Рукой? Я совсем замечтался, населяя эту живую, подлинную арену прошлой борьбы героями детства... как вдруг до меня донёсся слабый свисток паровоза. «Уйдёт поезд» — опомнился я и бегом выбежал на холм. Но поезд стоял, а из выемки впереди мчался к разъезду паровоз. Я не знал, шли мы одиночной или двойной тягой, и, подумав, что, может быть, это наш второй паровоз, ходивший на разведки, я бегом побежал к поезду: ведь пристегнуть паровоз недолго. Уйдёт мой поезд без меня, что я тогда буду делать один, без языка и без денег, оставшихся в вагоне? Но прибежавший паровоз что-то взял с нашего поезда и опять убежал. Я решил пойти по пути к месту несчастья, но тут — так и ахнул. Кой-что в железнодорожном деле я понимаю и состояние пути меня ужаснуло. Шпалы совершенно гнилы, костылей не держат (я свободно вынимал рукой некоторые из них и снова вставлял), балласт выдуло и концы шпал висят, на стрелке болты расхлябались, кривая закругления пути совершенно не выверена, — одним словом, ничего общего с полотном между Нью-Йорком и Вашингтоном. Как там всё было в образцовом порядке, так здесь не было и намёка на технический надзор. И по такому-то пути мы мчались со скоростью 50 - 60 вёрст в час и будем ещё мчаться! Нельзя сказать, чтобы остальную часть пути я чувствовал себя спокойно.

Но вот с грохотом мимо промчался служебный поезд с паровым краном, вызванный по телефону из ближайшего депо. За ним двинулись и мы и, пройдя вёрст пять, остановились саженьях в 100 от места несчастья. Здесь видел я, как быстро кран захватил тендер, лежавший почти поперёк пути, поднял его,

повернул и поставил на место, затем тоже самое проделано было и с паровозом. На всё ушло меньше получаса, и мы двинулись к станции.

Следуя дальше по пути, мне удалось видеть, как американцы работают новое, земляное полотно. Наших грабарок и тачек я совсем не видал. Земля из резерва добывается и вывозится на полотно особого устройства (крайне простого) широкими лотками с острым, широким краем и режущими боковыми стенками. В такой лоток впрягаются или люди, или лошади, смотря по величине его, и тащат лоток, как плуг, а один человек держит в руках рукоятку и регулирует ею уклон резака. Как только лоток полон, он делает движение рукояткой вниз, и резак уже больше не режет земли. Затем лоток волоком вывозится на полотно, опрокидывается и снова свозится в резерв. Резерв выходит правильный, аккуратный, дно его ровно, работа подвигается быстро. Просто смотреть весело. У нас так работать не умеют.

Но в ещё больший восторг пришёл я, когда увидел в действии громадный экскаватор. Правление дороги задумало сократить линию и с этой целью прокладывало новый путь. Мы шли ещё по старому пути, по горе, а саженей 10 вниз экскаватор работал в той-же горе выемку для нового пути. Рядом стоял поезд узкоколейной дорожки с платформами подъёмной силы не меньше 300 пудов. И вот громадный ковш экскаватора мощно врезывался в каменную россыпь, наполнялся до краёв, затем медленно поднимался на воздух и, сделав на кране оборот, останавливался над платформой; дно ковша открывалось и содержимое высыпалось на неё. Ещё один такой ковш, и платформа в пять минут готова; поезд несколько подаётся вперёд, и ещё через пять минут готова другая платформа. Чудовище прямо грызло гору, а у регулятора стоял всего один человек. Лёгкими движениями рук он управлял могучей машиной. На сколько американцы профаны в искусстве, на столько же они изобретательны и практичны в области техники.

Поздно вечером 10 мая мы прибыли благополучно в С. Франциско.

II.

Отъезд. — Новые члены экспедиции. — Спиритическая подкладка. — «Самоа» и его экипаж. — Алеутские острова. — Бухта Провидения. — Progress и м-р Шоклей. — Чукотское кладбище.

Описывать С. Франциско и его достопримечательности я не буду, а равно и нашу беготню и суматоху, сопряжённую с снаряжением экспедиции. Скажу только, что снаряжение это встречало всё новые и новые задержки, непонятные для нас, и отъезд всё откладывался, даже когда всё было готово. Почти три недели провозились мы в С.-Франциско и, наконец, 27 мая ст. ст., поздно вечером «Самоа» отошёл от пристани. Уходили мы украдкой, ночью, с

потушенными фонарями. Дело в том, что м-ра Робертса преследовала за долги полиция, и поэтому, чтобы можно было уйти беспрепятственно, он скрывался. За несколько часов до отхода «Самоа» произошла следующая сценка: на пристань явился, как-бы гуляя, полисмен и, увидя на палубе собаку Робертса, спросил одного из наших спутников:

— Чья это собака?

— М-ра Робертса, — последовал ответ.

— А который здесь м-р Робертс?

— А вон седой, полный джентльмен, — отвечал американец, указывая на майора Стерна.

Тогда полисмен вынул из кармана бумагу и, приняв официально-торжественный вид, подошёл к майору; тот спокойно смотрел на него, покуривая сигару.

— М-р Робертс! по поручению высшей власти Штата, я вручаю вам эту бумагу с запрещением выезда из Штата.

Но мнимый м-р Робертс, спокойно заложив руки в карманы, повернулся спиной к полисмену; тот зашёл с другой стороны и ещё громче повторил свои слова, но... снова увидел спину. Тогда, снова обойдя майора, полисмен произнёс:

— Это бесполезно. Я при свидетелях вручаю вам эту бумагу. — И он торжественно положил её на какой-то тюк перед майором, а затем, кивнув головой, также величественно удалился... Лишь только он скрылся за углом, как раздался гомерический смех, и тотчас-же капитаном «Самоа» Джансоном был составлен протокол о том, как полисмен ошибкой вручил бумагу на имя м-ра Робертса всем известному джентльмену майору Стерну. Свидетели подписались, и протокол немедленно был отправлен в редакцию одной из газет.

Итак, в 11 час вечера 27 мая мы покинули С.-Франциско.

При выходе из залива мы остановились. К «Самоа» подошла шлюпка: четыре джентльмена вскарабкались из неё на палубу; дружное «ура» приветствовало их. Мгновенно зажглись все огни, и «Самоа» полным ходом вышел в открытое море.

Теперь можно сказать несколько слов об окончательно выяснившемся составе нашей экспедиции. Кроме г-на Богдановича с женой, Макферсона, Акифьева, Сеоева и меня, к русской части компании присоединился ещё г-н Лемашевский.

Это был крепкий, коренастый старик с недобрыми, часто зло сверкавшими глазами. Он 37 лет плавал между Америкой, Алеутскими островами, Владивостоком и Японией и только что решил было отдохнуть и даже уже бросил место командира судна, чтобы пожить на покое в С. Франциско, как,

встретившись с г-м Богдановичем, сам для себя неожиданно решил плыть с нами. Собственно его обязанности были для меня не ясны, и мне кажется, что г-н Богданович пригласил его, как опытного моряка, не надеясь на знания экипажа «Самоа». Но две волчицы в одном овраге не водятся, и между экс-командиром Лемашевским и капитаном Джансоном происходило в пути много мелких столкновений, которые только ещё более осложняли международные отношения компании аргонавтов, и без того крайне неясные и недоброжелательные.

К американской же компании, состоявшей из известных уже нам м-ра Роберта и Стерна, присоединились ещё: молодой горный инженер англичанин Рикар, представитель капитала м-р Уайт, старый алкоголик сомнительного происхождения, но по симпатиям — истый англичанин, ненавидевший буров до глубины души; затем молоденький, маленький, вертлявый м-р Ленфильд. К 26 годам он успел, по его словам, кончить два факультета: математический и геологический, прослужить офицером, побывать в России на Урале и в степях Закаспийского отдела, объездить Штаты, читая лекции о работе сжатого воздуха. Он порядочно говорил по-русски. М-р Даулен — молодой человек, рекомендованный в качестве геолога. М-р Пикар, по профессии, набивальщик чучел, но рекомендованный опытным проспектором. И, наконец, два Скрентона: отец — мужчина вершков 13 росту — плотник по профессии, и сын, совершенный мальчик, работавший на фабрике консервов. Четыре таинственные джентльмена, доставленные на «Самоа» шлюпкой, и были: Робертс, Даулен и два Скрентона.

К американцам же примыкали рабочие-китайцы.

Не могу удержаться, чтобы не рассказать здесь о спиритической подкладке нашей экспедиции.

За два года до составления нашей экспедиции Скрентон — отец, скромный плотник и убеждённый спирт, задумал идти искать богатства в Кэп-Ном, но перед путешествием он спросил духов, что с ним будет, и получил ответ, который тотчас-же записал в книжку. Духи сказали: «ты пробудешь в Номе только год; неожиданно уедешь оттуда, не разбогатеешь; вследствие одного несчастья будешь в Нью-Йорке; оттуда поедешь в страну, о которой не думаешь и там разбогатеешь». Поехал Скрентон в Кэп-Ном, но не прошло и года, как получил известие, что его мать больна и лежит в Нью-Йорке у своей дочери. Бросив работу и не разбогатеешь, Скрентон поехал в Нью-Йорк и там похоронил свою мать. Видя, что часть предсказания исполнилась столь блистательно, Скрентон окончательно уверовал и во вторую половину его. Он начал прислушиваться, и вот всё чаще и чаще он слышит слово Siberia. — Так вот страна, о которой он не думал, и где он разбогатеет! Случай свёл его с Робертсом.

Невежественный и суеверный, как все американские золотоискатели, Робертс ухватился за Скрентона, как за талисман счастья. Если Скрентон разбогатеет в Сибири, то тем более разбогатеет он — Робертс. Оставив Скрентона в Нью-Йорке, Робертс полетел в Лондон и там организовал или присоединился к вышеупомянутому обществу капиталистов. Такова повесть, слышанная нами от самого Скрентона.

Теперь опишу наше судёнышко и его экипаж.

Длинной «Самоа» был 155 футов и водоизмещение 600 тонн. Максимум хода 9 узлов, при наибольшей осадке в 12 фут. Собственно «Самоа» было-бы правильнее назвать паровой баржей, так как он строился специально для каботажного плавания у берегов Калифорнии, для перевозки леса. Так как дерево громоздкий, но лёгкий материал, то у таких судов центр тяжести располагается как-то особенно. Когда-же мы загрузили трюмы «Самоа» тяжёлыми машинами, провизией и главное, 400 тоннами угля, то от необычного груза центр тяжести расположился совсем не по расчету, и потому нас постоянно качало, даже в тихую погоду. В добавок он был так перегружен, что в самом низком месте палуба была залита водой вершка на 4!..

Капитан «Самоа» Джансон, толстый, красный, с свиными глазками, был вполне достоин своего судна. Хотя он и имел сертификат шкипера дальнего плавания, но в таковом никогда не бывал, лоции не признавал, ежесуточные астрономические определения считал пустой забавой и выше всего ставил игру в «покер», которой и предавался часов по 12 в сутки. Беспечен он был так, что ушёл в такое дальнее и ответственное плавание, не захватив не только ни одного сигнального флага, даже не имел сигнального кодекса на судне. Кроме того, он был масон 32-ой степени, т.е. масонский генерал, вдобавок... запойный пьяница.

Младший помощник капитана был 18-летний юноша, ещё ничего не знавший, и всё наши надежды мы возлагали на старшего помощника м-ра Рейнера, — дельного, смелого и толкового, но слишком скромного моряка.

Три кочегара, три механика и восемь человек команды в большинстве были дельные моряки, но командиров в грош не ставили и даже неоднократно в пьяном виде заводили обоюдную драку.

Вот при таких-то условиях нам предстояло идти 11 суток, не видя земли, до Алеутских островов, а там, дальше, воображение рисовало малоисследованное Берингово море, с туманами, льдами, бурями и дикими скалистыми берегами, а ещё дальше рисовался грозный Ледовитый океан.

Бывало, сидишь на верхнем мостике, смотришь на бесконечную даль океана и как-то весь проникаешься сознанием бессилия перед этой неизмеримо могучей стихией, и жуткое чувство закрадывается в душу. Задумаешься — и незаметно начинаешь чувствовать, что нет уже страха, что тоже море влило в

душу жажду борьбы, сознание силы гения человека и безотчётное, но страшно сильное стремление дальше и дальше, быстрее и быстрее мчаться вперёд, что бы там «впереди» ни было; пусть даже смерть, но и она рисуется возбуждённому воображению прекрасной, пусть только придёт среди кипучей, безумно-смелой борьбы. Ничто так не возбуждает энергии, как вид бесконечного простора моря...

Я видел тысячевёрстную равнину Барабинской степи, видел бесконечную полосу чуть не девственных лесов северного Урала, бродил по диким, мёртвым скалам южного Урала, намечая то с топором в руке, то привязанный к крепкому канату, шаг за шагом, ось будущего железнодорожного полотна. Там тоже была борьба, подчас тяжёлая, опасная, но не было в ней того подъёма духа, той, кажется, несокрушимой энергии, которую даёт вид волнующегося моря. Оно ведь, как душа человеческая, беспокойная, ненасытная, вечно жаждущая простора и воли...

И вставляли в моём воображении древние сказания о могучих, бесстрашных викингах, о легендарных аргонавтах, о подвигах Колумба... Мне понятна была эта жажда простора, это неодолимое стремление дальше, дальше, за пределы повседневного, надоевшего кругозора.

Зачем всё уже открыто? Зачем все моря изъезжены вдоль и поперёк? Хоть бы уголок какой на мою долю достался! И не думал я тогда, что этот, хотя и действительно маленький, но всё же не исследованный уголок на мою долю найдётся. А нашёлся. Но об этом после.

Путешествие наше до Алеутских островов мы совершили благополучнейшим образом. Десять дней мы плыли и ничего не видали, кроме китов, дельфинов да двух парусных шхун, промелькнувших на горизонте. И вот на одиннадцатый день, рано утром, из мглы окутавшего нас седого тумана неясно вырисовался угрюмый горный мыс Моргана, за ним другой, а когда пелена тумана совсем поредела, мы с большим любопытством, да по правде сказать, и с удовольствием, осматривали берега пролива между какими-то двумя островами Алеутской гряды, предвкушая наслаждение походить по твёрдой, незыблемой почве.

Но вот «Самоа» круто повернул к западу, затем на юг и очутился в уютной закрытой бухте. Впереди и направо виднелось на берегу какое-то селение. Можно было разглядеть большие склады, магазины и с десятков домиков. На рейде, против селения, стояло несколько судов, но мы прошли мимо них, дальше вглубь бухты и там увидели... нашу русскую, деревенскую церковь! Кругом неё ютилось до сотни домов самой разнообразной архитектуры. Это — селение Уналашка.

Едва «Самоа» ошвартовался, как мы с доктором, никого не дожидаясь, сбегали на берег и помчались вдоль берега моря, по главной, впрочем, и

единственной улице. Пробежавши с версту, мы очутились на русском кладбище. Обошли его, читая надписи на памятниках, и грешным делом — ограбили могилы, нарвавши с них много цветов, чтобы послать их домой. Очень приятная вещь ходить по твёрдой земле, и мы, вдоволь находившись, вернулись на «Самоа», зайдя предварительно к больному старику священнику.

Население Уналашки довольно пёстро, но, несомненно, главную массу составляют обалеутившиеся русские и обрусевшие алеуты; к ним присоединяется немного голландцев, немцев и англичан. Очень приятно было слышать здесь, так далеко от родины, повсюду звучащую, хотя и сильно попорченную, но всё же русскую речь.

На другой день мы много бродили по горам, прилегающим к селению, и с интересом всматривались в угрюмый и новый для нас характер страны. Деревьев нет, камень, снег да зелёная травка, жалкая в это время года, да ещё местами выжженные американцами¹ не радуют взора. Мертво и угрюмо. Кругом на островах видны кратеры мелких вулканов, частью целые, частью разрушенные, а на горизонте, покрытая густой шапкой облаков, высилась гора Макушина.

Да! И эта угрюмая гряда островов и та громадная богатейшая территория, к которой примыкает гряда, принёсшая уже сотни миллионов, — всё это продано за 14 миллионов рублей!

А между тем, ещё в 1850 г. русский горный инженер Дорошин открыл в Аляске золото и писал: «такие результаты представляют самое положительное основание дальнейшим усилиям и надеждам к отысканию россыпей с уважительным содержанием благородного металла»². И всё-таки эта область, где что ни бухта, что ни мыс — то славное русское имя смелого моряка или учёного — продана за гроши... Не то ли же самое повторилось на западном берегу Тихого океана, когда вся Курильская гряда была отдана Японии в промен за владение южной частью Сахалина, которой, собственно говоря, она и не владела, а теперь японцы могут запретить нам проход из Охотского моря в Берингово...

8 мая в 6 часов вечера мы покинули Уналашку, а 12-го сквозь густой туман, окружённые льдинами, ощупью пробирались в бухту Провидения. Этот переход был не очень спокоен. Мы и вышли-то при порядочном ветре, а к 10-ти он достиг очень значительных размеров. Размахи судна доходили до 34° в одну сторону. Такая качка была ещё в первый раз, и спать на узеньких койках было пренеудобно. К вечеру спустился ещё густой туман, и рёв сирены через каждые 5 минут положительно не давал спать. Наконец, 12 числа, пройдя двое суток сплошным туманом без астрономических определений, мы стали на якорь в

¹ Американские prospector'ы уверены, что по цвету дыма горячей травы можно узнать золотоносную местность.

² См. «Очерки Nome» К.И. Богдановича.

открытом море, потому что совершенно не знали, где находимся, быть может, у самых берегов. Хорошо ещё, что было тихо, хотя громадные гладкие волны, отголосок пронёсшейся бури, и основательно покачивали нашу бандуру.

Решено было послать старшего офицера на вельботе «Надежда» на рекогносцировку. Попросить разрешения у г-на Богдановича также ехать было делом одной минуты. И вот шесть матросов, Рейнер и я в густом тумане быстро плывём к неизвестным берегам. Не отошли мы от «Самоа» и сотни сажен, как он уже скрылся из виду; только частый вой сирены доносился до нас. Полтора часа мы шли прямо на север, бросая изредка лот. Свистки «Самоа» всё слабели, слабели и, наконец, совсем стали не слышны. А берега всё не видно, только лёд всё густеет. Наконец, решили попробовать эхо. Подняли вёсла, дождались, когда вода под носом журчать перестала, и разом крикнули. Тишина... только льдинки, обламываясь, звенят. Ещё раз крикнули — та же тишина. Даже жутко стало. Что если б наш крик был криком о спасении, и море ответило такой же мёртвой тишиной?.. Какой леденящий душу холод охватил бы нас. А между тем, если бы поднялся ветер, или отнесло незаметно течением в сторону, или выбились бы из сил, что стали бы мы делать? Я осматриваю лодку — нигде ни бочонка свежей воды, ни кусочка хлеба — небрежность непростительная! Крикнув в последний третий раз, мы повернули назад и часа через полтора, продрогшие и усталые, карабкались на «Самоа».

Всю ночь мы простояли и утром 13 медленно двинулись вперёд. Тот же туман, те же льды. Но вот справа едва-едва вырисовывается угрюмый, горный массив, и вдруг мы сразу вышли из полосы тумана и увидели себя на входе в бухту Провидения!.. Мало того, направо за узенькой кошкой, верстах в 3 - 4 впереди, мы разглядели двухмачтовый пароход, а в глубине бухты ещё дымил кто-то. Начались споры, волнения. Какие суда? Зачем они тут?..

Мы ждали в бухте Провидения встречи с военным транспортом «Якут», который ежегодно крейсирует около Командорских островов, охраняя котиковые промысла, и ныне он был командирован зайти на Чукотский полуостров, сдать нам кой какие грузы из Владивостока и 12 рабочих приискателей. Нам, русским, так надоело всё американское, что мы всей душой ждали этой встречи. Не говоря уже об интересе свидания с соотечественниками, мы не без удовольствия подумывали и о русских щах, каше, водке и т.п. благах, которых мы вот уже два месяца не видали, а последние две недели — на «Самоа» — ежедневно повар нас угощал или супом из устричных консервов, или супом из консервированного молока — гадость страшная!.. Медленно, медленно пробирается «Самоа» среди льдов, но половина вопроса уже решена: в бинокль мы разглядели русский торговый флаг. Значит, не «Якут», но кто же? От берега, между тем, отделились две чёрные точки.

Оказалось, это две чукотские лодки, полные народом. Одеты в олени шкуры, грязные, больные, они произвели на нас удручающее впечатление.

Покуда мы разглядывали чукчей, кто-то в бинокль прочёл название судна. Это был «Progress», совершенно неизвестное нам судно, а дым, виденный нами в глубине бухты, оказался дымом небольшого катерка с «Progress'a».

Едва успели мы отдать якорь, как к нашему борту подошёл катерок, и на палубу поднялись три джентльмена. Двое из них были самого обыкновенного, дюжинного типа, но старший из них, уже седой человек и, по-видимому, глава, сразу обратил на себя внимание. Вся его сухощавая, мускулистая фигура, энергичный профиль, блестящие, пронизывающие глаза, уверенные движения — всё обличало несокрушимую силу, отвагу и энергию. И действительно, в чём другом, а уж в отваге и энергии нельзя было отказать мистеру Шоклею. Но отчего же русский торговый флаг и мистер Шоклей? Очень просто.

Владивостокский купец Юлий Приннер с компанией зафрахтовал судно «Progress» и пригласил американских инженеров с м-м Шоклеем во главе, дал им рабочих и, не зная ничего, кроме слухов о правах г-на Вонлярлярского на Чукотский полуостров, отправил туда свою экспедицию искать золото. И вот мы встретились. Шоклей пробыл на «Самоа» недолго и уехал обратно, наведя нас на многие сопоставления.

Шоклей всё знал в деталях о нашей экспедиции: даты наших выездов из Петербурга, Лондона, С.-Франциско, состав экспедиции, срок и место встречи с «Якутом». Он не только знал Робертса и Стерна, но и передал им какие-то письма и бумаги и имел в каюте Робертса продолжительный с ним разговор; мы же о нём ничего не знали, и никто из американцев ни словом не обмолвился о Шоклее.

Припомнились непонятные оттягивания дня нашего выезда из С. Франциско, припомнились крайне настойчивые требования в Уналашке со стороны Робертса и Уайта идти не прямо на Чукотский полуостров, а сначала зайти в Сар-Номе, припомнилось многое другое и... объяснилось: несомненно, экспедиция Шоклея имела тесную связь с нашими заатлантическими друзьями, несомненно, что эти друзья хотели дать возможность Шоклею попасть на Чукотский полуостров раньше «Самоа»¹.

И в этом они успели: Шоклей вышел из Владивостока неделей раньше нас, был на месте за 10 дней до прихода «Самоа» и успел обойти всё Чукотское побережье до мыса Дежнёва, не смотря на густые льды. Энергия и смелость Шоклея были поразительны, но они пропали бесплодно. Во первых, за наши права заступились льды, позволившие Шоклею сделать высадку лишь в двух-

¹ Их план был таков: так как высочайшее утверждение прав г-на Вонлярлярского ещё не было официально известно в Хабаровске, ко времени отхода «Progress'a», то они и рассчитывали вырвать из рук г-на Вонлярлярского те золотоносные площади, которые они заявили бы до встречи с «Самоа».

трёх местах, а во-вторых, хищнические надежды его не оправдались: на нашем берегу богатого золота, лежащего прямо сверху, как Car-Nome, не найдено, да, может быть, и нет.

При первой возможности мы с доктором высадились на кошку, отделяющую бухту Пlover от бухты Провидения, очень довольные тем, что, объехав половину земного шара, мы снова попали в Россию, да ещё туда, где немногие из русских бывали. Идти по каменистой кошке было трудно. Обойдя кругом чукотское поселение из 3 - 4 юрт, мы, преследуемые злобным лаем стаи псов, пошли к подножью гор, поднимавшихся на материке. Дикие, мрачные, задёрнутые клочками седого тумана, они смотрели недружелюбно. Хотя мы с доктором вовсе не устали, а всё-ж присели на разбросанные там и тут в большом количестве кости китов. Лестно было с непривычки-то посидеть на таких необыкновенных стульях! Посидели, пошли дальше. Всё подножье гор было усыпано мелкой галькой, совершенно тёмно-бурой от покрывающих её лишаёв, но на этом тёмном фоне я заметил светлые полосы. Наклонился я, гляжу — галька ободрана, обтёрта. Осмотрелся кругом повнимательнее и понял, — светлые, извилистые полосы тянулись от самого селения, с одной стороны, и исчезали в горах — с другой. Очевидно, это были пешеходные тропинки, но куда ведут они? Я заинтересовался и крикнул доктору, что пойду в гору по тропинке. Он было пошёл со мной, но скоро передумал и присел, сказав, что дождётся меня здесь... Я полез выше и очень скоро увидел некоторые особенности: свежесывороченные камни, какие-то палки, воткнутые между камнями. Я подумал, что это следы разведок, которые делали люди с «Progress'a», и с удвоенным вниманием стал осматриваться. Вдруг вижу под ногами человеческий череп... «Кладбище чукчей!» — тотчас догадался я. «Конечно, оно — несомненно: это не палки — это полозья нарт! Вот и рога оленей виднеются». Страшно обрадованный, я выбежал на край холма и, махая черепом, стал звать доктора. Он быстро вскарабкался ко мне и тоже очень заинтересовался моим открытием. Приглядываясь внимательно, мы ясно увидели массу могил. Все они были одной основной формы: на гальке выложены в виде эллипсиса крупные камни, с одним большим камнем на северном конце его. Иногда эллипсис не полон и не достаёт боковых камней. Некоторые могилы совсем новые, другие старые. Почти на каждой могиле под большим камнем (который иногда заменяется кучей камней) сложены олени рога в количестве от двух-трёх кусочков до двух нар многоветвистых, по большей части, обломанных рогов. Могил была масса, черепа и кости белели повсюду, но ни одного целого скелета мы не видали. Это происходит оттого, что чукчи не зарывают своих покойников, а кладут прямо на землю, и собаки и песцы преисправно кушают их. Конечно, нашей первой мыслью было унести несколько черепов с собой, потому что черепа чукчей в Европе редкость, но

случай столкновения с чукчами, при условиях аналогичных нашим, рассказанный, кажется, в книжке Олсуфьева, заставил нас остановиться, и мы тут же придумали план перевозки нескольких черепов незаметно от чукчей, постоянно толпившихся у нас на палубе.

Мы спустились к бухте и, собрав с полосы прибоя несколько представителей жизни здешнего моря, усталые и голодные, вернулись на «Самоа».

III.

Уход «Progress'a». — Поиски золота. — Мыс Чаплина. — Забавные недоразумения с чукчами. — Остров Аракам-Чечен и Егор Пурин. — Русско-американские отношения. — Св. Лаврентий. — Неожиданная встреча. — Поиск.

Рано утром, среди густого тумана, «Progress» снялся с якоря и ушёл в море неизвестно куда. Это рискованное исчезновение тем более было странно, что Шоклей говорил о своём намерении остаться в бухте Провидения дня три. Вскоре, впрочем, выяснилась внезапность ухода.

После завтрака г-н Богданович предложил мне ехать с ним осмотреть бухту Эмма. У борта стоял наш паровой катер «Владимир» и немилосердно дымил, ожидая нас. Собраться было недолго, и мы отправились. Катером управлял Макферсон, и мы, идя вдоль северо-восточного берега, должны были искусно лавировать среди густого льда. Бухта Эмма оказалась полной ещё не взломанного льда, так что нам пришлось высадиться на входной мыс и от него уже пешком идти вдоль западного, пологого и болотистого склона хребта, отделяющего Эмму от Провидения. Здесь в граните была найдена кварцевая жила, в которой, по рассмотрению образцов под микроскопом в Петербурге, найдены были знаки золота. Пройдя версты полторы, мы поднялись выше и самым хребтом вернулись к «Владимиру». По дороге мы видели большое чукотское кладбище, — судя по состоянию могильных камней, очень древнее и замечательное тем, что на некоторых могилах камни лежали в виде сложных дольменов.

Там и тут приставая к берегу, мы часа через 4 вернулись на «Самоа».

На другой день мы все, и русские, и американцы, ездили на Оленнюю реку, впадающую в море близ мыса Лесовского на западном берегу бухты Провидения. На берег набегали порядочные буруны, и мы всё же, только вымокнув, сумели высадиться. В пробах, взятых сверху, были найдены знаки золота. Американцы, жаждавшие найти богатства прямо сверху, были разочарованы и нисколько не заинтересовались местностью; г-н Богданович же взглянул иначе и на другой день отправил туда-же меня, Скрентона и трёх рабочих: двух натурализовавшихся в Америке русских Тимофея и Григория и норвежца Эрика.

Первые-же промывки дали знаки золота; Скрентон, выдавший богатства Ном'а, остался совершенно равнодушным, я же был очень обрадован. И без того возбуждённые первым исканием золота, Тимофей и Григорий так переполнились мечтой о нём, что везде и всюду и во всём видели или золото, или повод поговорить о нём.

Оба страшные любители болтать, они, энергично стуча кайлами, вели приблизительно такие разговоры:

— Эх! кабы найти кусок золота — с голову... вот-бы... — начинает один.

— С голову, — усмехается другой, — в пуд бы найти самородок..

— Чего пуд? Ты думаешь, в голове-то меньше будет?

— В чью голову? Коли в твою такой-же пустой будет, конечно, меньше.

— Дурак... А.Г., тут нет золота? — и не быстрый на соображение, Григорий подаёт мне крупную гальку, заминая этим разговор. Манёвр удаётся: Тимофей опускает кайлу и, выпучив глаза, напряжённо смотрит на меня.

— Нет. Тут ничего нет, — говорю я, пряча гальку в мешок, как образец породы.

— Нету... а прячете... — недоверчиво говорит Григорий.

— Что-же? Я тебя обманывать, что-ли, стану? — говорю я, — кабы было золото, я бы показал, чтобы и вы умели находить Это я беру для Карла Ивановича.

Работа начинается снова. Через минуту, гляжу, Тимофей колотит плашмя кайлом большую гальку, стараясь расколотить её.

— Зачем это ты?

— А может, А.Г., тут золото внутри есть?

И опять стучат кайлы.

Но глубже 8 четвертей нам не удалось пробить ни одного шурфа: вода заливала, а мы, надеясь на мёрзлую землю, с собой даже и вёдер не взяли. К концу дня все мои спутники, кроме разве Эрика, были разочарованы. Скрентон угас раньше всех. Григорий продержался подольше, но и его ленивая натура не выдержала напряжения. Тимофей был возбуждён и болтал всё время, но работал уже не так горячо, и только Эрик спокойно и равномерно, как бык, работал с утра до вечера. И характер-же был у этого человека! Образцовый работник, честный и прямой, он ни перед чем не останавливался, если необходимо, по его мнению, было что-либо сделать. С ним был такой случай. Он плавал матросом на одном американском китобое. Пиратские нравы, царившие на китобое, ему не нравились, расчета-же ему не давали и даже, боясь, чтобы хороший матрос не сбежал, его не спускали на берег. И вот, понемногу, работая по ночам, из обручей бочки и двух матросских непромокаемых пальто он смастерил себе крошечную скорлупку с вёслами из

клепок той-же бочки. Накопив себе немного провизии и воды, он ночью однажды удрал и проплыл в своей скорлупе около 40 вёрст!

К семи часам вечера мы вернулись к месту высадки, где нас уже ждал «Владимир». Я был очень доволен этим первым рабочим днём: во-первых, золото всё-же нашли, а во-вторых, мне удалось, не смотря на туман, сделать съёмку Оленной реки вёрст на 12, самой большой реки от бухты Провидения до Колючинской губы: раньше на картах изображалось лишь устье её.

В ту-же ночь мы опят снялись с якоря, чтобы идти к мысу Чаплина, и к утру стали против селения Уныын на этом мысе.

Американцы пришли в восторг уже от одного вида берега.

— Just same Nome!¹ — восклицали онb радостные и возбуждённые и тотчас же все до единого, со всеми китайцами съехали на берег.

Спустя час съехали на берег и все мы русские, за исключением г-жи Богданович. Но к не малому удивлению нашему, у самого берега мы встретили уже возвращающегося Робертса. Он объявил, что тут ничего нет. Мы пошли дальше и увидали, что его партия, поковыряв немного в песчаной косе, уже кончила работу и занималась ведением знакомства с чукчами.

В этот день мы исследовали берег между мысами Чаплина и Мартенс и нашли здесь все номские спутники золота, — кажется, и знаки попадались, хотя это исследование было ещё более поверхностно, чем на Оленной реке.

В чукотском селении со мной случилось два забавных эпизода. Селение это огромное, самое большое на всём побережьи. Некогда американцы пробовали устроить здесь свои постоянные фактории и с этою целью выстроили три деревянных пакгауза, которыми и пользуются теперь чукчи, как лавочками. Зашли мы в один из таких пакгаузов, принадлежащий знаменитому чукотскому Ротшильду — Ковару. Чего только не было в этой своеобразной тележке дядюшки Якова: начиная от шкуры белого медведя, китовых усов, моржовых клыков, переходя к чаю, сахару, табаку, муке, эта лестница завершалась керосиновой горелкой Primus и... скрипкой, на которой майор Стерн тотчас же и сыграл английский марш, — чем привёл в восторг не только американцев, но и окружавших нас густой толпой чукчей.

Оглядывая этот северный «Мюр и Мерилиз», я заметил на потолке какой-то странный предмет, затейливо сплетенный из каких-то шнурков и кисточек. Предполагая, что это украшение одежды, я снял странный предмет и понёс его к Ковару торговаться, ничего не замечая. А между тем, заметить было что, потому что, когда я дотронулся до плеча старика Ковара, протягивая ему вещицу, то он, обернувшись ко мне, изобразил на своём лице крайний ужас; оглянувшись, я увидел, что и все чукчи смотрели на меня с большим изумлением, смешанным со страхом. Я ничего не понимал и попросил

¹ Какъ есть Ном!

Ленфильда спросить у Ковара, в чём дело? Оказалось, что я снял с потолка священный амулет, повешенный шаманом для покровительства торговым делам Ковара. Я страшно был смущён и, извиняясь за своё невежество, осторожно повесил его на прежнее место. Чукчи быстро успокоились и, видя моё смущение, дружелюбно и одобрительно похлопывали меня по плечу.

Едва я оправился, как новый предмет привлёк моё внимание: это был полный охотничий набор чукчи. К широкому плетёному ремню была привязана масса всевозможных сумочек, кисетов, ножей, шпилек, длинных и тонких ремешков и, кроме того, тут-же висел, зашитый в кожаный футляр, чудный кристалл дымчатого горного хрусталя. Мне страшно захотелось приобрести этот набор для этнографического музея нашей академии наук, которому я обещал собрать в Чукотской земле всё, что окажется возможным. Я снял набор со стены и понёс к Ковару... Вижу: снова чукчи качают головами, а сам Ковар, поняв в чём дело, лишь отрицательно мотнул головой, будто презрительно улыбаясь. Я увидел, что я снова совершил бестактность, и действительно: кто-же не знает такой простой вещи, что если охотник продаст свой набор, то он умрёт до первой-же охоты? И снова мне пришлось краснеть за своё невежество.

Кстати расскажу здесь, как я ещё один раз попался. Заметил я, что все чукчи мужчины носят кожаный пояс и в него (на спине) вплетают маленькую человеческую фигурку. — Я просил продать мне такой пояс. Но чукча, к которому я обратился, засмеялся так весело и искренно, что я совсем смутился. Он-же быстро созвал товарищей и со смехом рассказал им о моей выходке; те тоже принялись смеяться, хитро поглядывая на меня. Наконец, один из них, не стесняясь присутствием женщин, наглядно показал, что с ним будет, если он продаст свой пояс с фигуркой. Впоследствии, когда у нас появился переводчик казак, выяснилось, что эта фигурка — бог производительных сил мужчины, и если бы тот чукча продал своего бога мне, то не мог-бы более иметь детей. Но по моей просьбе чукчи мне вырезали из кости двух таких богов.

В то время, как мы мирно осматривали лавку Ковара, вдруг раздался тревожный, прерывистый свисток. Мы тотчас выскочили из лавки и побежали к шлюпкам, оставленным на берегу, тревожно всматриваясь в пароход, хотя трудно было разглядеть что либо за версту расстояния.

— Перепились, наверно, да и ранили когонибудь, — предположил кто-то.

— Флаг приспущен! Смотрите!

Действительно, на середине высоты мачты висел, опустившись без ветра, флаг. Около него виднелся столпившийся народ. Дружно гребли мы, и вельбот стрелой летел к «Самоа».

— Это не толпа, это всё флаги вывешены, — разглядел в бинокль Лемашевский. — И никакой беготни нет, на пароходе всё спокойно! — удивлялся старик; мы же только сильнее налегали на вёсла.

— Альфред Маркович! Что случилось? — крикнул Богданович.

— Ничего. А что?

Макферсон, Робертс и Рейнер мирно сидели вместе на мостике.

— Почему тревожные свистки давали?

— Это не тревожные. Это м-р Робертс потребовал собрать назад на пароход свою партию...

* * *

К утру мы снялись и тронулись дальше. Богдановичу хотелось пройти Сенявинским проливом. Этот пролив отделяет остров Аракам-Чечен от материка.

Пустынны и угрюмы, как и всё побережье Чукотского полуострова, берега этого пролива. Только и видишь, куда хватает взор, что голые, мрачные скалы, задёрнутые синеватой дымкой. А когда мы зашли в бухту Глазенапа на самом острове, то очутились точно в каком-то провале: синее море, голубое небо и кольцо синевато-серых, островерхих гор с ярко-белыми пятнами снега — казалось, нет отсюда выхода на простор, на свободу.

А вот и бедняк, который, действительно, не нашёл выхода отсюда к свободе, к свету, к теплу и жизни... Высокий крест виднеется на каменистом пригорке. На кресте надпись: «Егор Пурин. Писарь клипера «Гайдамак». Скончался 25 июля 1875 года» — и больше ничего. Грустная, одинокая могила! Мне живо представилось: стоит «Гайдамак» на рейде. На берегу кучка моряков. Суровая, величавая панихида. Стройный хор звучит. «Вечная память» несётся к холодному небу. Гулко стучит кирка о скалу. Не стало больше Егора Пурин. Ушёл «Гайдамак» — и остался он, одинокий, на пустынном острове. Где-то плакала мать... Где-то поминали Егорушку. Прошло всё. Забыли все, только суровые горы из страшных врагов превратились в друзей. Окружили они своего гостя дружной семьёй... Обходят суда скалистый остров, снежные бури разбиваются об их мощную грудь, и нет ни у кого силы обидеть одинокую могилу, — четверть века стоит высокий крест.

А, может быть, и из нас ктонибудь... Уйдёт «Самоа», оставив новый крест на мрачных берегах... Одиночество, холод и вьюга. Страшная зимняя вьюга воеет... Нет! Не надо! Скорее к людям, к простору и жизни!

* * *

Северная часть пролива оказалась затёртой льдами, и мы, повернув назад, вышли в открытое море. «Самоа» направился к бухте св. Лаврентия. Так как к

этому времени уже накопилось достаточно материала для характеристики отношений, установившихся между нами и иностранцами, то я позволю себе остановиться на них.

Когда, ещё в Петербурге, мы узнали, что наша экспедиция будет смешанная, то, не знаю — как другим, а мне, по крайней мере, совместная, напряжённая работа в своеобразной обстановке севера с энергичными англосаксонцами казалась очень заманчивой, а отсюда уже логически вытекала возможность и лёгкость быстро выучиться понимать и хоть немного говорить по английски. Кроме того, я был уверен, что с нами поедут уже опытные, закалённые prospector'ы, и знакомился с каждым новым лицом, как с человеком, от которого я многому научусь. Но разочарование не заставило себя ждать. Началось оно ещё при снаряжении экспедиции и быстро подкрепилось г-м Ленфильдом, который, явившись в С.-Франциско и желая попасть в экспедицию, познакомился с нами и сначала был просто образцом любезности и внимания, так что мы с доктором даже ходатайствовали за него перед г-м Богдановичем, прося принять его в экспедицию. Но лишь только ему было объявлено, что он принят, фронт переменялся, и, вместо любезности, мы увидели недовольную скупающую физиономию, которая ясно выражала полнейшее нежелание якшаться с нами.

Сначала, впрочем, и все были любезны с нами; но понемногу, незнакомые вначале между собой, они перезнакомились, сблизились и совершенно отделились от нас. В первый же рабочий день на р. Оленной пришлось убедиться в их полной несостоятельности в качестве prospector'ов, и в тоже время нонемногу разочаровываться в них и как в людях. Судно наше было американское, большинство составляли американцы, весь режим жизни чисто американский и, почувствовав свою силу, американцы, с позволения сказать, задрали нос¹, да к этому, как оказалось, они с своей точки зрения имели и довольно веское основание. Беда была только в том, что мы не могли принять их точки зрения.

Почти тотчас после отплытия из С.-Франциско Робертс, Уайт и прочие главари, а глядя на них — и мелочь, начали давать понять нам, что они настоящие хозяева экспедиции. Г-н Богданович их сначала очень деликатно осаживал. Быть может, тут и была роковая ошибка. Вообще, мы думали, что имеем дело всё же с порядочными людьми, а оказалось... ну, да дальнейшее покажет, что оказалось... Наши заатлантические друзья приняли нашу деликатность за слабость и, уважая только силу, рассчитывали, так сказать, оседлать г-на Богдановича. Очень быстро Робертс дошёл до невозможного. Так, он однажды позволил себе кричать на палубе «Самоа», что он — Робертс —

¹ Иначе я не умею назвать их поведения в ежедневных столкновениях, которыми полна совместная жизнь на маленьком пароходе.

«наконец, вступит в свои права, прекратит это безобразие и не позволит более искать золота, как ищут дураки» и т.п. А «безобразие» заключалось в том, что г-н Богданович, действуя по определённому, вполне целесообразному плану, не хотел идти в Ном до встречи с «Якутом», «до постановки рабочих на дело». Робертсовский же «не дурацкий» способ искания золота заключался совершенно неизвестно в чём, ибо на все просьбы г-на Богдановича сообщить ему свой план работ, он неизменно отвечал, что ему необходимо идти в Номе изучить там условия нахождения золота: как круглый невежда, он просто без указки не мог ориентироваться в работе. После этой последней выходки г-н Богданович пригласил к себе всех американцев и сказал, что он, как начальник экспедиции, не может допустить повторения чего-либо подобного, и если м-р Робертс позволит себе ещё чтонибудь, то он вынужден будет немедленно высадить его на американский берег.

Всё это случилось утром того дня, когда мы шли от мыса Чаплина к бухте св. Лаврентия, а ночью у меня с Ленфильдом был разговор, в котором он сообщил мне, что так как деньги на экспедицию внесены East Siberian Syndicate, то Стерн и Уайт, как представители синдиката, — настоящие хозяева экспедиции; её начальник Робертс, а г-н Богданович только подставное лицо, принятое и посланное синдикатом, как необходимая уступка русским законам, мы же — декорация. Это объяснило всё... Ведь в Америке уважается всякая сила, а доллар больше всего. В тоже самое время в другом конце кают-компании у нашего доктора с Уайтом был точь в точь такой же разговор. И оба они (т.е. Ленфильд и Уайт) пренаивно упрекали г-на Богдановича в непорядочном к ним отношении... потому что он, принимая должность начальника экспедиции, должен был понимать, что он лишь подставное лицо: по их мнению, г-н Богданович выходил каким-то узурпатором власти над экспедицией?!

Кажется, утренняя беседа г-на Богдановича и наши продолжительные разъяснения и убеждения возымели своё действие, ибо американцы стали по старому любезны... хотя на несколько дней, не более.

Между тем, мы подошли к бухте св. Лаврентия. Вход в неё был заперт густым плавучим льдом, да и самая бухта ещё не вскрылась, а потому мы стали на якорь в открытом море против селения Эндогай на мысе Новосильцева, верстах в 5 от берега.

Так как мы отдали якорь уже вечером, то в этот день никто на берег не съезжал, а часу в 12-м ночи мы с доктором, выйдя на мостик, так восхитились оригинальной обстановкой, что решили просидеть всю ночь и дожидаться солнца.

Обстановка была оригинальна, на самом деле. Представьте себе море, загромождённое льдами. В небольших промежутках между льдинами показываются то и дело усатые морды нерп, с любопытством разглядывающих

пароход и нас, пассажиров, которые платят им той же монетой. Угрюмый массив мыса Новосильцева тёмно-серый, с яркими белыми пятнами снега, ясно виден при своеобразном освещении полярной ночи в июне. Ни звука — тишина мёртвая, изредка прерываемая грохотом лопнувшей льдины. Прибавьте ощущение 12 -15 тысяч вёрст расстояния от Петербурга, от близких, и вы поймёте, что, раз поддавшись своеобразному настроению, навеянному такой оригинальной обстановкой, не хотелось его прерывать. Мы даже, полюбовавшись и погрузившись по далёким «присным сердцу» людям, чтобы рассеять грусть и подбавить оригинальности, — спустились в буфет, взяли «по баночке Креста-бланочки»¹, да ананас и, взобравшись на мостик, принялись всё это уничтожать. Но до солнца всё же не досидели и пошли спать. Наутро была назначена поездка на берег.

В 8 часов утра две шлюпки были спущены на берег и в первую уселись: Богданович, Макферсон, я и четверо рабочих. Нам предстояла задача найти проход в широкой полосе плавающего льда и добраться до берега. А это — задача не лёгкая, потому что отдельные льдины, движимые ветром или течением, то сходятся, образуя целые ледяные поля, то расходятся, открывая извилистые проходы, по которым и приходится пробираться, рискуя тем, что в один далеко не прекрасный момент, лёд сзади и спереди сомкнётся и, в лучшем случае, вы проплаваете несколько часов внутри ледяного кольца, покуда откроется новый выход, — опасности в этом не много, хотя опасность и сторожит вас на каждом шагу. Дело в том, что льдины очень толсты, в несколько сажень толщиной; плавая, сталкиваясь и подтаивая, они постоянно меняют свою форму. От этого перемещается центр тяжести, и ледяная громада в несколько сот, если не тысяч пудов весу, вдруг, со страшным шумом, поднимая волну и дробя всё вокруг себя, поворачивается на другую сторону, т.е. подводная часть делается надводной. Очень красиво это зрелище, когда наблюдаешь его с парохода, но не могу сказать, чтобы было большое удовольствие плыть пять вёрст бок-о-бок с такими неустойчивыми соседями. Мы, в конце концов, заблудились, зайдя в глухой канал, и нас выручили чукчи, две лодки которых мы увидели пробирающимися от берега среди льдов; к ним-то мы и подобралась, но для этого нужно было проскользнуть под нависшей громадной льдиной. А ведь иногда достаточно лёгкого сотрясения, чтобы такая громада кувырнулась... Но вот, подойдя ближе, мы видим, что южнее селения, под горой, стоит палатка, белая обыкновенная палатка!.. Кто бы это мог быть? — задавали мы себе вопрос. Предположение, что это американские хищники, быстро рухнуло, потому что в бинокль ясно был виден русский торговый флаг, развевающийся над палаткой. Думали, думали и

¹ Cresta-blanca — белое калифорнийское вино.

решили, что это пришёл «Якут» и где нибудь укрылся, а здесь высадил наших рабочих. Вон и красные рубахи виднеются... Мы очень этому обрадовались.

Когда же мы пристали, то действительно увидели толпу русских, но они с таким удивлением смотрели на нас, что ошибочность нашего предположения стала вне всякого сомнения. Из расспросов оказалось, что это приисковая партия, высаженная «Progress'ом» ещё 7 июня, значит, ещё за неделю до встречи с нами в бухте Провидения... Стало быть, они хотели скрыть от нас существование этой партии. Не даром они так усердно пугали нас льдами, не даром Робертс требовал так настойчиво и резко, чтобы г-н Богданович из бухты Провидения шёл не на север, а в Nome! Дальше в лес — больше дров: рассказы партии выяснили нам, почему «Progress» ушёл из бухты Провидения ночью, в туман. Оказалось, что он прямо отправился сюда, но лёд был так густ, что ни с берега, ни с судна никто не мог ехать, так что «Progress», простоявши два дня, ушёл от мыса Новосильцева, не снесясь с рабочими.

По словам старшего, они совершенно потеряли надежду найти здесь золото, но он тут-же обманул нас, показавши неверно направление, куда послал часть своей партии. Видя, что от них ничего не добьёшься, г-н Богданович, я и Эрик пошли в гору, задавшись целью обойти горный массив мыса кругом, производя самые поверхностные разведки. При переходе через горный ручей, мы увидели на берегу остатки каких-то машин; при ближайшем рассмотрении, это оказался небольшой паровой двигатель. Чтобы узнать, откуда он взялся, мы обратились к чукчам, но спрошенный чукча по английски говорил очень плохо, и из всех его объяснений узнали мы только, что два года назад сюда приходило небольшое американское судно. Люди высадились, поставили машину, но вдруг пришли льды, люди бросили машину, а сами уплыли и больше не возвращались. Это было очень интересно.

Покуда мы обходили мыс, американцы съехали тоже на берег, и покопавшись около брошенной машины в мёрзлом песке у берега моря, нашли знаки золота и массу ruby sand'a, т.е. гранатового песку, главного и лучшего спутника Nome'ского золота. Мы знаков не видали, но ruby sand находили в большом количестве .

Мы с г-м Богдановичем так устали, что, завершив почти уже полный круг, не доходя версты до деревни, сели на скалы и послали неутомимого Эрика сказать, чтобы шлюпка сюда пришла за нами. Г-н Богданович задремал, пригретый солнышком, а я лежал на своём жёстком ложе и глядел на залитое заходящим солнцем море, прислушиваясь то к мелодичному звону ломающихся льдинок, то к выстрелоподобному грохоту лопающихся ледяных полей.

Между тем, подошла шлюпка. В ней сидели Макферсон, доктор и Николай. Мы быстро уселись и под парусами пошли на «Самоа».

Доктор рассказывал о результатах своего дня. Помимо своих собственных наблюдений и сведений, ему удалось и для меня собрать кое-что.

Предвидя, что мне не придётся зайти ещё раз в селение и на кладбище, я просил его сделать это за меня и обратить главное внимание на кладбище, так как рабочие «Progress» рассказывали нам, что при них уже были одни похороны, — и доктору удалось не только видеть, но и снять фотографии с похороненных чукчи и чукчанки, а также собрать несколько предметов домашнего обихода, которые чукчи ломают при погребении на кладбище.

IV.

Высадка. — Уход «Самоа». — Возня с китайцем. — Мой приятель чукча. Приход «Самоа». — Встреча с «Progress» — «Якут» и влияние его появления. — Проба сибирских рабочих.

Через несколько дней меня покинули на берегу Сенявинского пролива в устье р. Маричь. Г-н Богданович решил уступить американцам и идти в Nome, не дождавшись «Якута», а чтобы дело не стояло, велел мне с Николаем, Тимофеем, Григорием, Эриком и двумя китайцами высадиться и обследовать местность, прилегающую к р. Маричь.

Вечером, перед уходом «Самоа», высадились все на берег: кто делать разведку, кто помогать устроить мне стан, а кто и так себе — погулять. Но поставить две палатки, перевезти и прибрать немногочисленные припасы — было не долго, и к закату все возвратились на пароход. Поехал и я получить последние инструкции и захватить кой-что забытое. Назад ко мне на стан мы вернулись вместе с доктором и, выпив на новосельи «по баночке крест-бланочки», расстались.

Проснулся я утром, а уж «Самоа» и след простыл. Покуда готовили завтрак, собирались и прочее, я пошёл на ближайший холм, чтобы осмотреть местность и выбрать направление работ. Взобрался я на холм да и задумался. Один... т.е., положим, не один, со мной Николай и прочие, но всё же как-то очень одиноко. Что ни случись — рассчитывать на чью-либо помощь нечего. А вдруг «Самоа» погибнет?.. Что тогда? Может быть, предстоит зимовать здесь? Или на какомнибудь случайном китобое плыть в Америку? И то, и другое не очень-то привлекательно. Хорошо, если «Якут» меня здесь найдёт, но неизвестно, где он? Уже давно миновал срок встречи с ним; может быть, он погиб или чинится где-нибудь: долго ли проломиться об эти проклятые льдины...

Я совсем было предался мрачным думам, да во время вспомнил, что надо работать, и вернулся на стан.

Позавтракав наскоро, я велел собираться. Через пять минут все были уже готовы, за исключением китайца. Их было у меня двое, но одного, который был почище, я сделал поваром.

— Скоро-ли?

— Да всё собирается.

Наконец, китаец показался из палатки.

— Ну! кто что понесёт?

Стали разбирать инструменты. Когда Эрик, Тимофей и Григорий взяли поровну, то на долю китайца осталось всего: лопата железная, кайла, лоток для промывки и мешочек с сухарями — меньше 20-ти фунтов. Китаец показывает знаками, что ему тяжело. Я рассердился, велел, не теряя времени, положить вещи ему на плечо и пошёл было, вдруг оглянулся — а китайца нет.

— Где он?

— Да в палатку ушёл.

Я готов был окончательно рассердиться на неумелого и медлительного китайца, как он снова появился; через плечо у него висели две бутылки с какой-то жидкостью.

— Что это такое? — Оказалось: холодный чай с несколькими каплями виски.

— Это зачем? Скажи ему, Тимофей, что мы будем пить чай раза два-три на работе.

Тимофей сказал, китаец что-то ответил.

— Он говорит, что по пути, пока идёт, пить хочет.

— Так ведь в тундре-то, мало ему воды, что-ли? Там прекрасная вода.

— Он говорит, что вырой воды пить не может. Заболеет.

— Чёрт-бы его побрал! Наложите на него инструменты: пусть тащит.

Наложили на него лопату, кайлу и сухари. Пошли. Почва твёрдая, нога не вязнет, отстаёт китаец. Прошли с версту, китаец на полверсты отстал. Спустились в тундру: кочки, болото, нога вязнет, идти, действительно, тяжело. Прошли ещё с версту — китаец едва виден.

— Чёрт возьми! Нам надо переваливать за тот пригорок. Ведь он заблудится ещё, не видя нас. Придётся подождать его.

Взобрались мы на пригорок, сидим и ждём. Ждали минут пять, кричать стали, махать ему, чтобы скорее шёл, а он, точно нарочно, остановился, сложил ношу и тоже уселся, потом, не торопясь, выпил из бутылки и закурил трубку. Что с ним делать? Идти к нему? — не хотелось. Гонять людей по тундре из за лентяя? — несправедливо. Сидеть и ждать? — но ведь и он будет сидеть и ждать.

Я придумал хитрость: мы громко разом крикнули и, когда он медленно обернулся, я махнул ему рукой по направлению поворота, быстро со всей партией спустился под горку и залёг там, скрывшись из его глаз, в расчете, что

он поторопится. Не прошло и двух-трёх минут — меня подмывало посмотреть, что он делает. Ползком взобрался я на пригорок и вижу: мой манза, вероятно, побоявшись остаться в одиночестве в неизвестной местности, чуть не на рысях катит по тундре. Значит, может: притворяется, ленится. Такое зло взяло! Когда он подошёл к нам, я строго сказал ему, что если он не будет идти ровно со всеми, то не дам ему есть на работе. Это помогло, и он пошёл значительно скорее, но на нервом же шурфе опять извёл меня: он буквально не умел кайлы в руках держать, постоянно пил свой чай и курил из маленькой трубки табак с опиём: меня прямо тошнило от этого запаха.

Просто измучился я с китайцем.

На другой день мы пошли вдоль берега на шлюпке, и опять оказалось, что китаец не умеет ни грести, ни править. А наши американцы хвастались в С. Франциско, что китайцы наняты превосходные...

И так каждый день отравлялись мы куданибудь, но нельзя сказать, чтобы результаты поисков могли радовать: за всё время только один раз и нашли знак. Да, собственно говоря, и ждать нельзя было: шурфы наши затопляло, отливных средств не было, отводные канавы копать сил не хватало, и без того по мерзлоте работа шла медленно, топлива-же для пожогов я не имел.

27 числа с утра я послал рабочих с Николаем разведать одну речку, а сам остался дома привести в порядок журналы работ и начертит результаты съёмки, которую я ежедневно пополнял, и, кроме того, мне почему-то казалось, что сегодня именно ко мне придёт «Якут». Отправивши рабочих, я уселся и сам за свою работу. Не прошло и часа, как полы моей палатки раздвинулись, и в отверстие показалась грязная, улыбающаяся рожа чукчи, моего приятеля. Он жил в полверсте от меня в своей одиноко стоящей юрте. Наше знакомство, наша дружба началась с того, что он помогал нам при высадке. Жалок он был страшно: распухшие, больные губы и дёсны кровоточили, так что бедняга еле мог говорить. За помощь я дал ему четверть кирпича чаю и немного сахару; надо было видеть, как он обрадовался.

— Кырпыч-чай! Кырпыч-чай! — твердил он, нюхая и облизывая плитку и сахар. — Чахар! Чахар! Друг! — Он тряс мою руку и детски-радостно смотрел мне в глаза. В это время я увидел на берегу единственный обломок дерева, как я думал, выкинутый морем, и ошибся. Когда я велел его перенести к стану, то мой чукча, нисколько не противясь, объяснил, что этот кусок привезён издалека и принадлежит ему. Я обрадовался случаю и дал ему ещё чаю. С этого у нас и пошла дружба. Он каждый день приходил ко мне и раз принёс какой-то костяной предмет, вроде набалдашника палки, очевидно нечукотской работы, и подал мне. Набалдашник этот был мне не нужен, но отказаться купить его я не мог и, взяв вещицу, предложил кусок чаю, по он энергично замотал головой, отказывался взять и не взял, не смотря на мои уговоры.

Целая история у меня с ним была по поводу покупки оленей. Я стал объяснять ему, что хочу купить двух оленей, — он не понимал. Тогда я в книжке нарисовал ему оленей. Он сразу понял, обрадовался и забормотал: ийи! ийи! т.е. да, да, ладно. Он пошёл в юрту, и я видел, как через минуту куда-то в горы мчался его старший сынишка, лет десяти, без шапки, но с винчестером за спиной. Через два дня, рано утром, меня разбудил Николай.

— А.Г., оленей пригнали. Много.

— Где? ты откуда знаешь?

— Да, вон, слышно!

Действительно, явственно слышался какой-то гулкий шорох и гортанные окрики чукчи. Оделся я, вышел, — оказалось, что пригнали всё стадо — голов двести. Выбирай, значит, любого.

Николай почему-то облюбывал двух из стада и указал на них чукче; и вот молодой чукча-пастух, негромко выкрикивая какое-то слово, тихо пошёл к стаду. Сначала оно было шарахнулось, а затем, как-бы повинувшись гипнотическому внушению, все повернулось головами к нему, образовав кружок. Пастух медленно-медленно разобрал лассо и одним движением бросил его в стадо, но... промахнулся, а стадо бросилось в сторону. Три раза повторялась эта операция, а неловкий чукча всё не мог поймать. Олени-же насторожились и туже стали поддаваться внушению. Уже мой чукча потерял терпение, и сам хотел бросить лассо, как в этот момент один из оленей был пойман. Чтобы не видеть дальнейшей сцены, я ушёл в палатку доставать чай, сказав Николаю, что и одного оленя довольно. У меня было условие с чукчей, что за оленя я плачу два кирпича чаю, т.е. я ему так говорил, и потому, согласно обещанию, вынес ему два кирпича; он с восторгом схватил их и, бормоча что-то, побежал опять к стаду.

— А.Г.! — раздался голос Николая. — Вы разве велели ещё ловить оленя?

— Нет! А что?

— Да они уж поймали и режут.

— Ну, всё равно. Вот возьми. Дай ему ещё два кирпича. — С этими словами я вылез из палатки и увидел моего чукчу, который с счастливой рожей, удовлетворённо кивал головой, показывая мне, что два оленя уже зарезаны и всё покончено. Тут подошёл Николай и подал ему ещё два кирпича. Чукча недоуменно посмотрел на нас и затем, что-то сообразив, побежал опять к стаду. Ясно было, что тут крылось какое-то недоразумение. Вернувши чукчу, я стал, как мне казалось, очень наглядно объяснять ему, что плачу по два кирпича за каждого оленя. Он не понимал. Тогда вступился Николай. Он отобрал у чукчи все 4 кирпича и пошёл к оленям. — Смотри, — коротко сказал он чукче и положил на каждого оленя по два кирпича. Тогда чукча понял. Он присел, зажмурил глаза и завизжал. На визг прибежали бабы, тоже завизжали, и долго

потом старый чукча тряс нам с Николаем руки, повторяя какие-то непонятные слова.

Удовольствие его ещё увеличилось, когда я велел отдать ему головы, ноги, внутренности и шкурки убитых оленей.

Так вот этот-то мой приятель и появился в разрезе палатки, когда я сидел один и приводил в порядок свои материалы.

Он делал мне знаки, показывая на уши и глаза. Я понял, что надо что-то посмотреть, и вышел.

Лопоча что-то по своему, чукча показывал мне рукой вдоль пролива. Там, из за выдавшегося мыска на острове Аракама, поднималась к небу струйка дыма, чуть заметная на фоне угрюмых гор.

Ура! «Якут»! но... собственно говоря: почему «Якут», а не какой другой пароход? Может быть «Самоа», может быть какойнибудь американец... — тотчас же усомнился я про себя.

Покуда я бесплодно размышлял над этим вопросом, пароход вышел из-за мыса, но разглядеть оснастку или даже цвет судна не было возможности, тем более, что у меня и бинокля не было. Оставалось выжидать событий. Прошёл час, судно на столько приблизилось, что уже видно было, что это не военное судно, значит — не «Якут»... Но кто же? Если американцы, — что я с ними буду делать или они со мной?

Но вот судно слегка изменило курс и я увидал... «Самоа»! Я и обрадовался, и разочаровался: хотелось чегонибудь новенького, интересного и вдруг — противный «Самоа», с надоевшей обстановкой и людьми. Но всё же он, может быть, везёт письма оттуда... из России... и я с нетерпением ожидал шлюпки. Вот меня увидели с «Самоа» и машут, машу и я в ответ. Вот до меня доносится грохот якорной цепи. Вот и шлюпка отошла от борта. Через несколько минут мы радостно пожимаем друг другу руки. Расспросы. Рассказы. Разговоры. Я ничем не мог порадовать г-на Богдановича: золота мы не нашли, но и он меня не порадовал: писем в Nom'e для меня не было. Грустно!

Побродили мы с г-м Богдановичем на другой день по притокам реки Маричь и вечером снялись, чтобы идти вдоль Сенявинского пролива, заходя в попутные бухты: Аболешева, Кониам и др.

Эти поиски не дали хороших результатов, и 3-го июля мы покинули пролив, чтобы идти к мысу Чаплина и справиться там у чукчей: не проходил ли «Якут». Но только что мы вышли из пролива, как в море увидели паровое судно, в котором тотчас же узнали «Progress». Он шёл в юго-западном направлении, по видимому, также к мысу Чаплина. Расстояние между нами всё уменьшалось, и, наконец, мы увидели, как на мачте «Progress'a» появились сигнальные флаги. Г-н Богданович потребовал у капитана кодекс-сигналов, но такового на судне

не оказалось, так что понять сигналов мы не могли, не могли и отвечать «Progress'у».

Срам да и только!

Когда оба судна стали на якорь, то с «Progress'a» снова приехал к нам Шоклей и, ни мало не смущаясь за свою прошлую ложь, передал г-ну Богдановичу письмо от г-на Новаковского, командира «Якута», который извещал, что уже с неделю ждёт нас в бухте св. Лаврентия. Тотчас якорь был поднят, и мы полным ходом пошли к Лаврентию, предвкушая радость свидания.

Ночью нас накрыл туман — идти пришлось осторожно, а когда утром, часов в восемь, я вышел на палубу, то увидел, что мы стоим на якоре против низкого, тундристого берега, с высокой горой в отдалении, всё же прекрасно видимой сквозь жидкий туман.

— Не знаешь, Николай, что это мы тут стали?

— Вот, А.Г., капитан говорит, что это та гора, где мы чужих рабочих нашли.

— Мыс Новосильцева?

— Да, да.

— Да какой же это мыс Новосильцева! Это не он.

— И я говорю — не он.

Пошёл я к капитану, а по дороге узнал, что якорь был подан часов в шесть утра, и тогда же не спавший г-н Богданович доказывал капитану, что это не мыс Новосильцева, но... пьяный капитан утверждал, что это именно мыс Новосильцева, и что он в бухту до свету не пойдёт. Так г-н Богданович и отступился.

Между тем, туман начал рассеиваться и впереди верстах в 15-ти стал ясно вырисовываться мыс Новосильцева. Тогда уж и проспавшийся капитан согласился, и мы медленно пошли к мысу.

Мало-помалу из-за мыса открылась и бухта св. Лаврентия, и вскоре мы увидели за островком Литке два судна: одно — был «Якут», а другое неизвестной национальности. По бухте плавал густой лёд. К этому придрался наш достойный Джансон.

— Не могу идти по сплошному льду, — сказал он решительно, — я отдам якорь в открытом море.

Это была уже прямо насмешка, и г-н Богданович приказал идти вперёд. Капитан повиновался, и мы, преблагополучно обогнув островок Литке, стали на якорь в нескольких десятках саженей от «Якута».

Тотчас была спущена шлюпка; в неё поместились г.г. Богданович, Акифьев, Макферсон и я.

Нас очень любезно встретил командир транспорта А.А. Новаковский и увёл к себе. Побыв у него немного, мы отправились сделать визит кают-компании и,

не смотря на то, что ни с кем из членов её никто знаком раньше не был — очень быстро сошлись, как нельзя ближе.

Не вдаваясь в подробности, скажу только, что трудно встретить больше внимания, радушия и гостеприимства, чем мы встретили на «Якуте». Три дня мы провели вместе, и, наконец, на четвёртый день в ночь «Якут» ушёл. Только в конце августа мы снова увидимся: он придёт к нам в бухту Провидения.

Здесь уместно отметить ещё раз одну характерную чёрточку международных отношений: за всё время нашей совместной стоянки с «Якутом», даже с момента последней встречи с «Progress'ом», американцы были неузнаваемы: они вдруг стали внимательны, вежливы, предупредительны. Мне кажется, они не верили в приход «Якута» и потому считали нас в своих руках, но когда «Якут» явился, когда он высадил на «Самоа»: 5 вооружённых Петропавловских казаков, 3 вооружённых же своих матросов, да ещё 12 дюжих сибирских приискателей которые уже одним своим внешним видом производили довольно сильное впечатление, то сила наша почувствовалась, и, по обыкновению, американцы отнеслись к ней с уважением, тем более, что в этот момент они были без головы, потому что Робертс с Уайтом остались в Nom'e. Но такое настроение продержалось не долго.

В последний день стоянки «Якута», я ездил по распоряжению г-на Богдановича разведать один ключик на выходе губы и, таким образом, мог тут же приглядеться к рабочим. Со мной было шесть человек. На работе в шурфах они немного поленивались, что и понятно: сразу рабочий редко втягивается в дело. Но по окончании работы, по пути к «Самоа» им пришлось выдержать хороший экзамен по части выносливости и смелости. Надо сказать, что никто из них ни разу по морю в шлюпке не плавал, а тем более никому не приходилось грести, и вот, когда мы спустились, оставив работу, к шлюпке, то увидели, что поднялся здоровый ветер. Лодка была защищена от бурунов, и мы отошли от берега благополучно, но лишь только завернули за небольшой мыс, как нас встретила крутая, сильная волна. Курс пришлось держать в $\frac{3}{4}$ волны, что было очень трудно: мы шли страшно медленно, шлюпка плохо слушалась руля, приходилось считаться ещё с течением и льдинами, которые нужно было осторожно обходить. И без того утомлённым рабочим пришлось прогresti непрерывно три часа и грести во всю так, что вёсла гнулись. И не смотря на то, что это был их первый опыт борьбы с морем, они прекрасно делали своё дело, стараясь не обнаруживать страха, только украдкой бросаемые на бешеные волны робкие взгляды выдавали душевное состояние моих моряков... Да, эти не выдадут, это не несчастные китайцы.

Не смотря на качку, мы прекрасно пристали и высадились на «Самоа».

Дальнейшие разведки. — Случай с Николаем. — Болезнь Лемашевского. — Снова на берегу. — Меня выручает казак. — Бур знаменитого prospector'a. — Мы идём в Ледовитый океан. — Дважды легкомысленный Джансон. — Шторм. — Недоразумение. — Колючинская губа.

На другой день после ухода «Якута» мы снялись с якоря и пошли на север к устью р. Нуньямо, где рассчитывали взять запас свежей воды. Здесь, против небольшого селения, мы стали на якорь и, пока брали воду, г-н Богданович послал меня разведать реку.

Я оставил большую часть рабочих на большом шурфе, который заложил верстах в 1½ от устья, а сам с тремя рабочими пошёл дальше по реке. Тяжело достался нам этот день. И вообще-то частенько в тех местах вспоминались мне иллюстрации Дорэ к Потерянному Раю, а здесь — так и подавно. Накануне, с входной горы бухты св. Лаврентия, я видел долину этой реки и так казалось издали тут хорошо. Ровные берега с ярко-зелёными пятнами травы, речка вьётся, принимая в себя справа и слева падунцы. Там и сям видны отдельные большие камни... А вблизи!.. Вблизи ровный берег оказался россыпью громадных глыб гранита. Такой россыпи я не видывал, и меня неотступно преследовало представление, что эта россыпь — не просто груды камней, а кладбище каких-то, некогда, живых, мощных гранитных великанов. Гордые, несокрушимые, казалось, высились они здесь, смеясь над бурями, морозами и даже... над самим временем. Но пришла какая-то роковая сила и растёрла гигантов в песчинки: всё это неисчислимое множество каменных глыб в десятки и сотни пудов — ведь это только песчинки, жалкие, ничтожные... Какие страшные силы работают в природе, и как в такие минуты понятна и близка психология дикаря, одухотворившая те силы. Но пройдёт сотня лет, и будущий посетитель уже не увидит этой картины смерти и разрушения. Здесь всё затянется, всё сравняется вязкая, мокрая тундра, как уж местами и затянула, и будут на ровном зелёном ковре торчать лишь одинокие глыбы. Вот и сейчас среди тундры я вижу одинокую скалу — подхожу к ней и поражаюсь: весь камень изборождён какими-то узорами! Что это за узоры? Откуда взялись они?.. Я не могу дать себе ответа на этот вопрос, тем более, что, торопясь идти вперёд, я отложил подробный осмотр и зарисовку их на обратный путь, а назад пошёл другой, более короткой, дорогой, совсем усталый. Так больше и не видал я этого интересного камня...

Покуда я разглядывал камень, рабочие ушли вперёд, надо было догонять, но это легко сказать, а исполнить... трудновато... Особенно сначала я боялся быстро идти по этой россыпи. Беспреданно под ноги попадались камни, которые на вид едва держались. Казалось, стоит до них чуть-чуть дотронуться,

не то что прыгнуть, и они упадут. Но не тут-то было. Зимние вьюги, дующие здесь по несколько недель подряд в определённом направлении с страшной силой, так их втиснули крепко друг в друга, что ни один камень не шелохнётся. Когда я убедился в этом, то быстро пошёл скакать с камня на камень, подпираясь остроконечной вешкой из-под бусоли, и быстро догнал рабочих. Они меня встретили новостью: оказалось, что мы забыли взять с собою дров для кипячения воды. Что делать? Ничто так не подкрепляет, как стакан чаю, и я послал одного рабочего налегке за дровами к большому шурфу. Он ушёл, а мы двинулись дальше. Скоро попалась подходящая местность, и я решил тут заложить шурф. Рабочие принялись за дело, а я принялся собирать образцы пород, определять протяжение, делать съёмку.

Скоро мы увидели вдали нашего посланца, он уже возвращался к нам, но... так и не вернулся. Он решил, что мы свернули в боковой падун, и пошёл по нему, а мы так и остались без дров. Еле-еле насобирали стеблей ползучей карликовой ивы в количестве, достаточном для вскипячения лишь кружки воды; кроме этого маленького растеньица другого горючего материала нет на всём побережье от Восточного мыса до бухты Провиденья. Это полное отсутствие топлива, конечно, очень затруднит дальние экспедиции в глубь полуострова.

Часам к 8 вечера мы были уже на «Владимире» и шли полным ходом к «Самоа». По дороге Макферсон рассказал мне об отвратительном происшествии, случившемся на «Самоа» в моё отсутствие.

Николай Соев, наш осетин казак, заведовал выдачей вещей из трюма. Г-н Богданович дал ему список, по которому надлежало выдать припасы и инструменты для американской партии, которую предполагалось на другой день высадить в бухте св. Лаврентия. Николай выдавал вещи, принимал их Скрентон младший, а Ленфильд «при сём присутствовал». Между прочим, г-н Богданович распорядился выдать американцам часть лотков промывных — старых, а часть новых, которые не так удобны в работе, как старые. Но Ленфильд, ничего не понимая, потребовал все лотки новые. Исполнительный Николай отказался изменить что-либо в списке Богдановича и сказал, что выдаст только с его разрешения. Слово за слово, Ленфильд велел Скрентону спрыгнуть в трюм и силой взять новые лотки. Николай не допустил этого. Тогда Ленфильд приказал ударить Николая, что глупый мальчишка Скрентон и исполнил, ударив Николая прямо по лицу!

Надо знать умного, честного, самолюбивого Николая, чтобы представить себе, что с ним сделалось. Произошла потрясающая сцена. Еле удалось обезоружить озверевшего Николая. Когда я увидел его спустя несколько часов после события, на нём лица не было. Глаза горели и перебегали быстро с предмета на предмет. Он ничего не понимал и твердил только, что бросит

Ленфильда в воду или убьёт его. Скрентона же он так презирал, что даже не говорил о нём. Ленфильд же напоминал напраказившую левретку... Какая-то «беспокойная ласковость взгляда», какое-то подленькое заискивание — противно смотреть было. Николай ко мне относился очень хорошо, и я долго беседовал с ним, уговаривая его наплевать на Ленфильда. Но он лишь угрюмо отмалчивался, и только раз у него вырвалась бессвязная речь, из которой я понял, что он упрекал меня за переход на сторону американцев. Жаль мне его было страшно. Я понимал, что делалось у него в душе и, конечно, никакие уговоры тут помочь не могли, но не мог же я всё-таки согласиться, что Ленфильд подлежит утоплению? Единственно что я мог с своей стороны сделать — это не подавать руки Ленфильду, что и исполнил. Он же просил извинения и у Николая, и у г-на Богдановича. Мало помалу Николай успокоился, тем более, что на другой день вечером Ленфильд с партией был высажен на берег, а Скрентон рассчитан в Ном'е.

Из бухты св. Лаврентия мы пошли в бухту Мечигмэн, где, при входе, капитан, совершенно нелепо завернув за кошку¹, посадил «Самоа» на мель, на каковой мы и просидели сутки.

К этому времени у нас совсем разболелся Лемашевский. Его укусил комар в палец. Он расчесал укус, засорил, и в результате — сильнейшая флегмона руки. Первый разрез делал, как старший, врач «Якута», но затем Акифьеву одному пришлось справляться с болезнью. На руку страшно было взглянуть... Не смотря на самые энергичные меры, болезнь быстро подвигалась вперёд, и багровая опухоль поднялась уже выше локтя. Молодой доктор не знал, что делать. Отнять руку в такой обстановке, без хлороформа, он не решался. Везти же больного в Номе и там произвести эту операцию на берегу с помощью американского врача было очень расковано. Вынесет ли старик переход, вынесет ли отвратительную высадку в Ном'е; нельзя же сделать операцию на постоянно качающейся бандуре, в тесной каюте? Старику становилось всё хуже. Меня доктор привлёк к себе в помощь, и я, присутствуя при мучительных манипуляциях его над рукой больного, только диву давался стоицизму 62-летнего старика.

Три дня мы простояли в Мечигмэне, и мне удалось сделать точную карту выходной части губы, в глубь-же её мы, к сожалению, не попали. Но пришло время «Самоа» идти в Номе, и меня снова высадили на берег между Мечигмэном и мысом Новосильцева вместе с Николаем, двумя казаками и 6 рабочими.

Прощаясь с Лемашевским, я не думал уж его более увидеть.

¹ Кошка — здесь: песчаная или из мелкого камня мель на взморье, обнажающаяся при отливе. Морской словарь. — прим. OCR.

Я прожил здесь дней восемь, исследуя берега и речки, но поиски мои были неудачны: главное, чего мне не доставало, это отливных средств и креплений. Взятые нами с собой маленькие насосы, при пробе, оказались никуда не годными, ибо по прейскуранту значились: «для перекачки пива», т. е. совершенно чистой жидкости, ну, а вода в шурфе чистой назваться не может. Достаточно было маленькой песчинке попасть под клапан, чтобы он перестал работать — надо было его разбирать, промывать и снова собирать.

В конце концов я его бросил и работал вёдрами, но и те оказались не прочными и очень быстро ломались.

Всё исследуемое побережье значит на картах чёрточками, мне же удалось снять подробную карту. Я жалел только, что мы не могли измерить магнитного склонения, которое, по показаниям карт, здесь доходит до 22°!

Хорошо бродить по тундре! То на следы старых чукотских кочевий натыкаешься, то на покинутые кладбища. Бродишь по этим остаткам прошлой жизни, фантазируешь, рисуешь себе картины жизни, а глаза внимательно осматривают землю, выглядывая чтонибудь интересное; мне удалось найти здесь костяную стрелу, бубенчики и ещё кое что.

Однажды случилась было со мной порядочная неприятность. Пошли мы с казаком Третьяковым, умевшим говорить по-чукотски, в селение, расположенное на южной стороне мыса Новосильцева, оставив рабочих в устье р. Гудлингента бить шурф. Мы шли берегом. В одном месте нам предстояло перейти небольшой ручей. Собственно ручья не было, потому что он превратился в почти неподвижную массу жидкой грязи, вымытой из оврага. Только что я сделал по ней два шага, как начал вязнуть, прыгнул дальше — окончательно увяз и чувствую, как меня затягивает всё глубже и глубже. Рванулся — только хуже увяз.

— Третьяков! Третьяков!

— Ого! — доносится с крутого берега до меня. Третьяков пошёл верхом.

— Помогай! Сюда!

Через несколько минут Третьяков показался над обрывом и сразу, сообразив в чём дело, в два прыжка очутился на твёрдом берегу грязного потока.

— Что делать-то будем? Выручай.

— Усь не знаю, сто и делать-то, — в раздумьи говорит он, суюкая по-камчатски.

И придумали мы сделать род гати от Третьякова ко мне. Он притащил 3 - 4 плоских больших камня и бросил их около берега. Получилась при этом возможность обоим держаться за одно ружьё.

Третьяков, чтобы увеличить площадь давления, лёг на свою гать и принялся меня тащить за ружьё. Но на мне были высокие матросские сапоги. Когда Третьяков тащил меня, то ноги вылезали из сапог, Не пойдёшь же несколько

вёрст по льду да по острой гальке босиком? Бились, бились, наконец, я выдернул одну ногу и опёрся коленом на положенные рядом два ружья и палку от бусоли. Получив точку опоры, я выдернул и другую ногу. Затем лёг прямо на грязь боком, чтобы увеличить площадь давления, и, перекатываясь с боку на бок, докатился до Третьякова. Хорош я был после такого катанья!.. Много мы с Третьяковым потом смеялись... С тех пор я старательно обходил ненадёжные места.

Незаметно пролетело восемь дней. «Самоа» снова стоял против моего стана. На этот раз я получил письма... и хотя их было три полных больших пакета, но мне всё казалось мало...

Была и другая приятная новость: Лемашевский поправляется и капризничает немилосердно. Наконец, третья новость: Робертс и Уайт достоверно узнали в Nome, что золото есть в Колючинской губе, т.е. в первой губе от Восточного мыса к западу по побережью Ледовитого океана.

Поэтому маршрут предполагался такой: идти с разведками до мыса Восточного и затем, если окажется возможным, оттуда, уже не останавливаясь, пройти в Колючинскую губу, оставляя разведку побережья на обратный путь.

Я, конечно, пришёл в восторг от такого плана работ, но г-н Богданович охладил его, сказав мне, что он заинтересован местностью, где я только что работал, и что здесь он думает применить большой бур, изобретённый Робертсом; мне придётся снова остаться здесь, а они без меня уж сходят на север. Жаль, что не попаду в Колючинскую губу!

На утро г-н Богданович назначил пробу бура: он оказался никуда не годным; каждая галька в квадратный дюйм останавливала его работу. Даже наши prospector'ы сконфузились! А стоил он 800 рублей и таких буров, по настоянию Робертса, взято было три штуки! Пришлось отказаться от мысли пройти буром на значительную глубину. Так обидно было приехать из-за тридцати земель на работу и тут только увидеть, что приехали с пустыми руками. Так и оставили мы злополучный бур на берегу речки на память потомству о целесообразности «методов искания золота» Робертса... «Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло». Неудача с буром сделала излишним моё пребывание здесь, и, оставив Николая с 4 рабочими и одним казаком для разведки одной речки, которой я не успел разведать, мы направились на север.

Высаживаясь то тут, то там, мы зашли за мыс Литке, и здесь в виду мыса Восточного попали на интереснейшее место: каждый лоток промытого песку с берега давал знаки золота. В виду этого г-н Богданович решил остаться здесь ещё на сутки, чтобы заложить большой шурф. И без того в последние дни часто нам докучали туманы, а в этот день просто как в молоке очутились... Условившись с командиром относительно сигнальных свистков и взявши точно румб на N, мы, т.е. г-н Богданович, Макферсон, я и 6 рабочих отошли на

вельботе. Всего через полчаса мы были уже на берегу и принялись за работу. Часа в два туман рассеялся на несколько минут, и я взял точный румб на «Самоа», а в 6 часов, мы, кончив работу, пошли на вёслах обратно. Дул зюйд-ост, довольно крепкий и, стало быть, для нас почти встречный. Проголодавшиеся рабочие приналегали на вёсла. Мы рассчитывали не больше как через час быть на «Самоа», но прошёл не только час, а два и три, а «Самоа» всё нет, как нет. Не слышно и свистков сигнальных, даже, в довершение всех зол, нам не по чему определить, как скоро мы идём, да и идём ли ещё? Может быть, рабочие не выгребают против волны. Всё скрыто туманной завесой. Уже давно мы чередуемся на вёслах, возбуждённые работой и предвкушением отдыха; настроение пропало: все хмурятся. Г-н Богданович уверен, что я неверно взял румб, за курсом же мы следим по трём компасам. Может быть, и течение отнесло нас в сторону... Волны всё круче, да круче. Белые гребни запенились кругом. Уже не один раз нас обдало холодной водой. Наконец, общим советом было решено повернуть назад и ночевать на берегу. Не очень-то приятная перспектива — провести вечер и ночь на мокром, холодном песке, в мокрой одежде, голодным, без куска хлеба, не имея даже возможности развести огонь. Г-н Богданович предполагал к обеду вернуться на пароход и нашёл излишним брать с собой провизию и дрова. Но делать нечего. Другого выхода нет, и несётся к берегу наш вельбот попутными теперь волнами. Мы не теряем надежды, и то и дело кому нибудь в надвинувшихся сумерках кажется, что он видит «Самоа»: кто справа увидит, кто слева. Идём полным ходом с час, и вдруг матрос, сидевший за грёбным, крикнул:

— Вон, вон «Самоа»!

О, радость — точно «Самоа»! Быстро по двум компасам замечаем румб, и хорошо, что поспешили: «Самоа» снова скрылся в тумане.

После поворота на румб «Самоа» пришлось идти не в разрез, а вдоль волны. Но все ожили — впереди ждало тепло, еда, сухое платье! Ещё полчаса ожесточённой работы, и мы на «Самоа»! Здесь выяснилась истинная причина нашего злключения: командир, видите-ли, хотел для нас-же подойти поближе к берегу, но пошёл не по направлению, взятому нами и ему известному, а по произвольному, и на новом месте стал на якорь. Оттого-то мы и прошли мимо «Самоа».

Вот уж медвежья услуга!

Ура! Окончательно решено идти в Колючинскую губу. Принято это решение не без колебаний. Ко всяким соображениям, в роде плавающих льдов, возможности быть затёртыми и т.д., и т.д., присоединялось ещё одно. Дело в том, что наша бандура не имела опреснителя и потому приходилось запасаться водой: у нас в тот момент воды было всего на два дня... Г-н Богданович долго не решался рискнуть идти на неизвестный север без воды. А вдруг да воды не

достанем: что тогда? Идти-же за водой назад в Сенявинский пролив было-бы уж очень обидно, да и невероятным казалось не найти воды в бухте, длинную около 150 вёрст по единственной карте Норденшильда. И мы пошли.

Вот и граница Ледовитого океана — Восточный мыс, впервые открытый казаком Дежневым и переименованный ныне в мыс Дежнёва. Скалистый, угрюмый, он далеко выдался в море. Сейчас за мысом большая лагуна. Мы здесь остановились на сутки и в виде предохранительной меры заперли воду и прекратили стирку.

Наш поиск в тех местах был неудачен: во-первых, посадили катер на мель при входе в лагуну и пришлось вылезать в воду, а во-вторых, в мелкой лагуне оказалась такая крутая волна, что мы еле-еле выгребали.

Да! ветер в море всё крепчал...

Снялись с якоря, пошли дальше, и по дороге случился трагикомический случай с командиром. Увидавши, что с отвесного скалистого берега, с высоты саженой в десять, надаёт струя пресной воды, он решил, что этой водой можно налить шлюпки и таким образом пополнить запас. Напрасно мы все ему указывали на отвесность берега, силу струи, на страшные буруны, он очень уверенно объяснял нам, что ничего не может быть проще, как взять здесь воду, и что он в Калифорнии уже 16 лет берёт воду именно при таких условиях.

Само собой, что воды мы не достали ни капли, а часов 15 потеряли. А ветер все крепчал да крепчал, и из SO превратился сначала в O, а затем в NO. Теперь мы, не останавливаясь, идём на полных парах в Колючинскую губу. Кроме описаний Норденшильда ничего не имеем для ознакомления с этими малоизвестными странами. Миновали мыс Сердце-Камень. С вечера спустился густой туман. Не утихает — но, слава Богу, к утру мы будем в Колючинской губе.

Настало туманное, холодное утро, ветер рвёт поставленные паруса. Нашу бандуру швыряет. Давно бы пора нам быть против входа в губу, но лишь только мы поворачиваем на юг, к предполагаемому входу, как сквозь туман показывается ровный низкий берег. Это тем более странно, что по карте Норденшильда вход в Колючинскую губу имеет до 50 - 60 вёрст в ширину.

Все наверху, на мостике. Все мы смущены исчезновением входа и разглядываем карту. Г-н Богданович настаивает, чтобы бросили лот, потому что по данным Норденшильда против входа в Колючинскую губу имеется остров Колючинский, а перед ним каменная банка с 4-хсаженной глубиной. Капитан нехотя соглашается. Лот даёт 8 сажень — и то маловато; волна идёт страшно крутая. Вдруг лотовый кричит — «4 сажени»! — Мы на банке! И в ту же минуту впереди нас из тумана высунулся мрачный, как монах, скалистый Колючинский остров.

— Назад! в открытое море!

«Самоа» даёт крутой поворот на север. Нас страшно швыряет бортовая качка, но... лот снова даёт 8 - 14 сажен... Слава Богу! Ветер переменялся в N и туман редееет. Но что-же делать?.. Шторм ревет всё сильнее. Всё яростнее и яростнее бросаются на нас волны! Во чтобы то ни стало надо найти вход...

— Руль на борт!

Снова крутой поворот, и мы идём на юг к предполагаемому входу. Вот показался и берег — низкий и ровный. Решено идти вдоль него, не теряя из виду. Берег заворачивает на SW. Что это вход, что-ли? Но и с правого борта тоже виден берег и близко: не далее версты, он идёт на SO? Что-же это перед нами? Маленькая неизвестная бухта? Или какой-нибудь неизвестный вход в Колючинскую губу? Нам сейчас не до решения этих вопросов. Перед нами пролив версты 4 шириной между двумя гигантскими кошками. Не всё-ли равно: где мы? Мы счастливы, что волны нас не бьют! Вот «Самоа» даёт поворот на O. Якорь отдан, и мы в совершенной безопасности...

VI.

Поиск в Колючинской губе. — Счастье с золотом американцев. — Поездки. — Неожиданная ночная экскурсия. — Уход. — Недовольство американцев. — Их забастовка. — Насилие. — По пути в>Note. — Мы под арестом.

Едва был отдан якорь, как мы съехали на берег. В многочисленных озерах и ручьях на Восточной кошке оказалась прекрасная пресная вода, и завтра мы начнём её брать. Тут же я распорядился заложить шурф. Американцы бродят по берегу и больше охотятся на куликов, которых здесь великое множество, чем занимаются разведкой. Тем не менее, Рикар, проходя мимо шурфа, сообщил мне, что они находят знаки золота, а у меня в шурфе не то, что знаков, а и шлиха-то почти нет. Чудно!.. Впрочем, у нас был раз случай ещё странней. Г-н Богданович, разглядывая шлихи, не помню где взятые, не нашёл в них знаков, не нашли и мы, а Робертс, взявши шлихи эти к себе в каюту посмотреть, вынес их нам обратно, объявляя шлихи золотоносными. И действительно, на чёрном фоне шлиха явственно блестело несколько крупных золотинок, настолько крупных, что не заметить их было бы невозможно. Был и ещё случай. В бухте Кониам напали мы на речку, вернее, горный ручей. Стали брать пробы: у Рикара тотчас же в лотке оказалась золотинок, каких мы ещё ни разу не видали. Г-н Богданович поставил на этот ручей 5 сибирских приискателей. Они разработали ручей очень старательно и не нашли ни одного знака?! Такое уж видно счастье было у американцев... Желая проверить Рикара в Колючинской губе, я взял с шурфа одного рабочего и пошёл брать пробы там же, где только-что брали американцы, и, не смотря на самую тщательную собственноручную промывку, я не видал ни одного знака.

Между тем, туман пошёл какими-то полосами: то ясно станет, то вдруг вновь окутает, так что за 10 сажень ничего не видно. Но все же в моменты ясных полос я успел рассмотреть, что бухта, в действительности, очень мало имеет общего с бухтой на карте, а, главное, на карте не значились те колоссальные кошки по двадцати слишком вёрст длины и местами до несколько вёрст ширины. Если бы не такие веские указатели, как Колючинский остров, банка, на которую мы попали, и расстояние от мыса Сердце-Камень, я бы не поверил, что мы находимся в этой самой Колючинской губе. Меня страшно заинтересовал вопрос: почему Норденшильд не видал этих кошек и изобразил вход в губу шириною в 50 - 60. вёрст? Это тем более странно, что карта побережья от 147° по 157°, существовавшая до Норденшильда, им исправлена, и самая Колючинская губа передвинута несколько к востоку. Мне кажется, что единственно возможное объяснение состоит в том, что Норденшпльд был здесь зимой, когда всё было занесено снегом, и местами приподнятый до высоты 5 саж. южный берег восточной кошки он, вероятно, принял за торос льда.

Оглядывая бухту, я намечал направления будущих экскурсий и для разведок, и для съёмки. Необходимы две экскурсии вдоль обеих кошек; затем туда, на дальний берег в южную часть бухты, где западный берег загибается прямо на восток; потом «Самоа» продвинется в глубь бухты, и там мы ещё побродим. Так приятно было мечтать о том, что первая точная карта Колючинской губы с промерами будет сделана мной. Но моим мечтам не суждено было сбыться: мне удалось сделать в Колючинской губе очень не многое. Препятствия создал шторм, который, не только не прекращался, а, напротив, свирепел всё больше и больше. Он дул уже с NNW, и волны из океана стали забегать к нам в бухту. В виду этого г-н Богданович никуда нас не отправлял. День за днём проходил — и я испытывал муки Тантала. Напрасно изо дня в день я возобновлял свои просьбы к г-ну Богдановичу отпустить меня на катере на разведки. Напрасно поддерживал меня энергичный и опытный старик Макферсон. Только случайно удалось кой-что сделать. Один раз призвал меня к себе г-н Богданович уже часа в два дня и сказал, что Робертс желает разведать западную кошку. Надо было отправлять туда катер, значит, и я мог взять рабочих для разведок. Я воспользовался этой командировкой и сделал съёмку конца и общего направления этой кошки, а также сделал и промеры по 3 - 4 направлениям. Работали мы прямо в воде, но всё прошло совершенно благополучно, хотя, конечно, нельзя было похвастаться по возвращении на «Самоа» сухостью наших костюмов.

В этот день среди волн мы с Макферсоном видели какое-то большое морское животное. Раз оно показалось вблизи катера, в другой раз несколько дальше: для нерпы оно было слишком велико, для моржа — у него не хватало клыков.

Мне пришло в голову: не морская ли это корова, — тем более, что в последствии я видел кучи водорослей, выкинутых штормом на берег, а коровы водились там, где было достаточно корму.

Другой раз, также уже после 12 часов, удалось уговорить г-на Богдановича отпустить нас в экскурсию вдоль восточной кошки. Он не только отпустил нас, но и сам с нами поехал.. Прошли мы вёрст пятнадцать. Я дополнил свою съёмку и промеры. Путь туда был вполне благополучен, но обратный доставил всем неприятности. Лишь только мы вышли из под защиты высокого берега кошки, как нас встретила порядочная волна. Нам всем досталось: никто сухой не вернулся, но я за своё неразумие был наказан. Дело в том, что я надел резиновые панталоны и поверх их резиновые же сапоги, в результате: как обдаст волной, так по резине панталон вода и стекает в сапоги — скоро у меня там образовалась лагуна. А вода в Ледовитом океане очень холодная, около нуля. Не думал я, что пройдёт мне даром эта поездка — однако-ж ничего, даже насморка не схватил.

А шторм всё ревел да ревел. Делать абсолютно нечего. Ближние части разведаны, а дальше идти в глубь губы г-н Богданович не соглашается. Он боится, что может принести массу льдов и нас запрёт здесь на зиму. Напрасно мы доказываем ему, что если около двух недель дул южный ветер, то он унёс лёд далеко на север и в 3 - 4 дня обратно принести его не может; что, уйдя даже за 15 - 20 вёрст в глубь, мы всё же будем видеть море и можно установить дежурство на мачте. Тщетно... Сегодня (29-го) перед вечером он объявил, чтобы готовились к выходу в море на утро, если шторм даже и не утихнет. Началась спешная работа по приготовлению судна к выходу в море. Всё принайтывывается. В трюме всё разложено заново, по возможности закреплено. Подняли катер и закрепили. Всё готово. Прощай надежда на полную съёмку Колючинской губы!

Пошли мы с доктором проявлять фотографические пластинки. Волнуюсь я страшно. Порчу негатив за негативом, наконец, чувствую, что окончательно не могу сидеть на месте, и решаю, что поеду на ближнюю кошку, попробую обойти одну лагуну и узнать, имеет она выход в океан или нет. И вдруг мы с доктором замечаем, что не слышно рёва и воя шторма... Что это, значит? Неужели стихло?.. Снова рождается надежда попасть в глубь губы. Тихо ведь, значит, льдов нечего бояться. В это время кто-то подошёл к нашей камерке и постучал.

— А.Г., вы здесь? что делаете? — спрашивал Макферсон.

— Здесь. Проявляю.

— Бросьте. Г-н Богданович велел собираться сейчас идти на «Владимире» на дальний берег.

— Ладно, ладно. Не дразните меня.

— Да право же. Выходите и посмотрите.

Всё ещё не доверяя, я выскочил из камеры. Смотрю — точно: с «Владимира» сняты крепи, и всё готово к спуску его. Я бросился к г-ну Богдановичу. Оказывается, он отправляет на «Владимире», под управлением Макферсона, меня с тремя рабочими, Ленфильда и Даулена с двумя китайцами разведать дальний берег...

— А вы, Карл Иванович, утром подойдёте туда же на «Самоа»?

— Что вы! Что вы! Завтра мы уходим, и, пожалуйста, не задержите нас: возвращайтесь к восьми часам.

Ну, что делать! Всё лучше, чем ничего...

В половине двенадцатого ночи мы отошли от «Самоа». Луна светила. По небу ползли разрозненные облачка. «Владимир» весело попрыгивает и мчит нас к желанному Дальнему Берегу. Величавые, мощные волны доходят до нас с океана и мерно то поднимают катер, то опускают. Я стою на борту с лотом в руке и через каждые пять минут бросаю его. Птицы у меня на душе поют. Так бы и плавал всё по этим безвестным берегам... кабы воля!.. И в голове у меня создаётся целая экспедиция, ряд экспедиций: внутрь страны, и в глубь губы, и на северо-запад вдоль берега океана, и археологические раскопки, и, как венец мечтаний — зимовка на земле Врангеля для наблюдений над магнитными явлениями. Я уж и товарищей подобрал, и знакомых рабочих — всё надёжный, решительный народ... унёсся, словом... Вдруг... Стоп машина!

— Что такое?

— Насос испортился: не берёт воду, — объясняет мне Макферсон.

— Как испортился? Совсем?

— Не знаю. Сейчас увидим. Григорий, выгребай жар из топки.

Господи! Ну что же это!?! Ведь Тантал и тот мучился меньше! Отдан якорь; не вьётся дым над трубой. Далеко ещё желанный берег. На шлюпке долго идти, да и рабочие устанут.

— Потерпите, потерпите: через полтора часа, может быть и пойдём, — успокаивает меня добрый старик Макферсон.

Легко сказать: «потерпите; через полтора часа, может быть, пойдём», но ведь, может быть, и не пойдём? Да и потеря 1½ часов из отпущенных мне восьми слишком значительна.

Исправил Макферсон насос. Разводим снова пары. Наступает решительная минута:

— Попробуем: возьмёт-ли теперь?

— Ну, что?

— Сейчас. Сейчас. Берёт понемногу... Берёт... Взял!

— Ура! Скорей! Скорей!

Живо выходит якорь и снова стучит винт под кормой.

Вот мы и на Дальнем Берегу. Ленфилд с Дауленом и китайцами пошли направо, а я налево. Каждая промывка даёт много шлиха. Но золото, если и есть, то микроскопически мелкое, а у нас не то что микроскопа, а и лупы-то нет. Идя по тундре, я заметил очень часто попадающиеся бугорки и, вспомнив, что у Норденшильда есть рисунок и разрез могилы чукчи, очень похожей на такой бугорок, решил, что это могилы и приступил к раскопке одной из них. Снявши слой тундры вершков в 6 - 8, я наткнулся на чистый и необыкновенно крепкий слой льда: кайла со звоном отскакивала, очень слабо пробивая его. Увидя, что подробное исследование этого льда отнимет слишком много времени, я должен был оставить работу.

Я сначала предполагал идти по одной юз речек к подножью гор, видневшихся, как мне казалось, всего верстах в 2 - 3 от берега, но оказалось, что до них вёрст 20 - 25, и поэтому я отказался от первоначального плана, решил идти вдоль берега брать пробы в устьях речек и производить съёмку. Расстояния до гор здесь громадны. Так, например, с первого же дня обратила на себя моё внимание двойная гора, стоящая совсем отдельно к востоку от общей гряды и, по-видимому, в вершине бухты. Оказалось, что до неё не ближе ста вёрст. Затем на Дальнем Берегу я увидел две сверкавшие белизной снежные вершины в SSW направлении. По приблизительному расчету, до них около двухсот вёрст, и так как над горизонтом видна была только часть вершин, покрытых вечным снегом, то надо думать, что эти две вершины достигают очень значительной вышины.

Идя по берегу, я видел три чукотские лодки, опрокинутые вверх дном, с аккуратно сложенными под ними охотничьими принадлежностями. Мне очень хотелось кой-чем воспользоваться, но невозможность оставить что либо в промен заставила отказаться от этой мысли. Было уже 8 часов, пора возвращаться к катеру, который уже давно свистит, вызывая меня... Так не хотелось уезжать! Так манило на восточный берег, очень изрезанный крутыми и довольно высокими горами, чуть видневшимися в синеватой дымке.

Когда я вернулся на катер, американцы спали, но Макферсон сказал, что, по их словам, они нашли знаки. Везёт им в Колючинской губе!..

В начале 11 часа мы были на «Самоа». Сдав образцы пород шлихов и отчёт о поездке г-ну Богдановичу, я, как сноп, повалился и заснул. Бессонная ночь, нервное напряжение и пяти-часовое безостановочное шатание по тундре сказались.

Я проснулся, когда «Самоа» уже выходил из пролива в океан, и только успел сделать два фотографические снимка общего вида губы.

С горьким чувством оставлял я, вероятно, уже навсегда, этот далёкий малоизвестный уголок моря.

Американцы были страшно недовольны кратковременностью пребывания в Колючинской губе и поверхностью разведок, и, по моему, вполне основательно. Колючинская губа с севера и Мечигмэнская с юга почти насквозь прорезывают Чукотский полуостров, оставляя между своими вершинами перешеек вёрст в 60 шириной.

Разведка обоих берегов заливов и перешейка составляла интереснейшую задачу нашей экспедиции и первоначально входила в план работ, но затем была почему-то отменена г-м Богдановичем, даже не были разведаны вершины заливов, хотя бы поверхностно. Для того же, чтобы набрать пресной воды в Колючинской губе, не стоило терять ни времени, ни денег.

Г-н Богданович стремился к тому месту близ мыса Дежнёва, где мы нашли лучшее золото, и хотел там высадить американцев с китайцами для правильной разведки. «Самоа» же, забрав по пути оставленных рабочих, должен был идти в южную часть концессионированного побережья, т.е. в залив Креста и Анадырскую губу.

Раз исследование Колючинской губы было кончено, этот план работ был вполне целесообразный. Уже были выданы и лежали приготовленными к выгрузке все припасы, нужные для американской партии, когда накануне высадки все американцы отказались совсем работать, а глядя на них — и китайцы, ссылаясь на запрещение Робертса. Дело было в том, что Робертс и Уайт пожелали, чтобы г-н Богданович прямо из Колючинской губы вёз их в Nome в третий раз. Г-н Богданович совершенно основательно отказал им в этом, говоря, что он не имеет времени ездить в Nome, потому что уже август, рабочие сидят без дела, а оставленные нами русские партии, быть может, терпят нужду в припасах, так как мы проехали дальше, чем предполагали. Но Робертс стал прямо этого требовать, грозя г-ну Богдановичу разными карами по американским законам. Г-н Богданович, конечно, не испугался угроз, но ещё настойчивее отказал Робертсу, хотя и обещал отвезти его в Nome при первой возможности. Робертс и на это не согласился и всё говорил о каких-то громадных убытках. Принимая во внимание, что ещё при нас в Лондоне East Siberian Syndicate'ом были выпущены акции по фунту стерлингов, что в июне они уже котировались по 4¼½ ф.ст., вполне возможно предположить, что эти джентльмены во время своего пребывания в Nome'e раздували дело и теперь стремились подтвердить свои дутые рекламные телеграммы новыми сведениями из Колючинской губы, чтобы снять ещё пенки с акций до посылки телеграмм г-м Богдановичем, который всегда в своих отчётах был крайне осторожен. К этим соображениям присоединялись ещё наши наблюдения над чудесными превращениями пустых шлихов в золотоносные, над чудесным счастьем американцев в Колючинской губе и над таинственными

манипуляциями с шлихами, которые Робертс производил в своей каюте... Так вот, взявши хотя бы совокупность всех этих данных, можно вполне понять отказ г-на Богдановича. О многих второстепенных поводах я не упоминаю.

На отказ г-на Богдановича Робертс и ответил всеобщим отказом американцев от работы.

Забастовали они очень дружно, тем охотнее, что ничем не рисковали, потому что ещё в С.-Франциско г-н Богданович, конечно, ничего не ожидавший подобного, произвёл расчет с американцами и, таким образом, был в данный момент бессилен.

Два дня мы простояли, разведывая заинтересовавшее г-на Богдановича место, всюду находя знаки золота. Работали поголовно все русские.

Затем мы пошли подбирать оставленные партии Николая и Петрова и, исполнив это, зашли в пролив между островом Шурлук и материком (Сенявинский пролив); там продували котлы и запасались водой. Это заняло три дня. В исходе этого третьего дня, когда всё было готово, г-н Богданович дал курс на бухту Провидения, где на Оленной реке хотел оставить пять русских рабочих. Мы вышли в море в девятом часу вечера, переход предстоял всего в 7 - 8 часов, и, предполагая утром работать, мы все разошлись по каютам и заснули.

Проснулся я утром... Что такое? Мы ещё идём и идём на всех парах: всё дрожит и трясётся. Уже 8 часов, а берега не видно... посмотрел на компас... Ба! Вместо юго-запада, идём прямо на восток. В Сар-Номе, значит... Неужели г-н Богданович передумал? Я быстро оделся и поднялся на мостик. Что за притча? На мостике вся компания в сборе.

На полу валяются пледы и одеяла, — видимо, несколько человек спало на мостике. Из-под коротких курточек младшего помощника и Ленфильда виднеются револьверы. Я поздоровался общим поклоном и спросил капитана: — Сар-Номе? Командир мотнул утвердительно головой и пробурчал: — Сар-Номе.

Я пошёл вниз к г-ну Богдановичу.

— Карл Иванович! Мы идём в Сар-Номе?

— Знаю. Я уже в 4 часа заметил перемену курса.

— Так что же это? Пиратство, захват? Плен?

— Да уж что хотите.

— И вы ничего не предпримите?

— Что-ж я могу предпринять? Не драку же затеять?

Грешный человек — я был за драку. Как! получить, так сказать, чуть не по физиономии, и молча утереться! Понятно, что американцы смеются на Дальнем Востоке над нами. Здесь они господа: они бьют китов и моржей, они ведут торговлю пушным товаром, они безданно-беспошлинно ездят сюда и

увозят у чукчей оленей к себе в Америку. Что хотят — то и делают, а мы только приятно улыбаемся и делаем вид, что ровно ничего не видим. Ведь роль такого судна, как «Якут» — прямо жалкая. Он фактически не может арестовать больше одного судна, да и арест одного-то ему тяжело достанется: на нём всего три вахтенных офицера; переведя одного на арестованное судно, вахту придётся делить между двумя офицерами, а это очень тяжело. И приходится «Якуту» делать вид, что всё обстоит благополучно. А тут ещё над нами, над нашей экспедицией с правительственным чиновником во главе, учинено насилие, и мы тоже делаем вид, что будто ничего не замечаем.. Понятно, что американцы теперь ещё больше утвердятся во мнении, что с нами можно делать всё, что угодно, и вполне безнаказанно. Обидно было до последней степени. И я не знаю, как удержался, чтобы не завести драки. Правда, американцев почти не было видно, — они видимо нас избегали.

Г-н Богданович, между тем, решил пригласить к себе капитана, чтобы потребовать от него объяснений: на каком основании он решился нарушить договор фрахтования, изменивши курс без согласия и вопреки приказанию его? Капитан прислал сказать, что теперь на «Самоа» нет экспедиции, а есть только пассажиры; если пассажиру Богдановичу угодно видеть капитана, то пусть он придёт к нему в капитанскую каюту. Конечно, г-н Богданович не пошёл.

Мы все сидели в каюте г-на Богдановича и разговаривали, когда в дверях показались фигуры Уайта и Рикара. Они просили позволения поговорить с г-м Богдановичем. Г-н Богданович пригласил их. Нас всех поразили их растерянный, робкий вид. Уайт же положительно имел вид человека, который ждёт, что вот-вот его ударят по затылку. Мы с любопытством ждали разговора. Каково же было наше изумление, когда оказалось, что они пришли просить г-на Богдановича дать обещание, что русские не примут никаких насильственных мер по отношению к американцам до прихода в Nome?! Много было надо употребить усилий, чтобы не расхохотаться, глядя, как Уайт робко озирается кругом, немилосердно теребя шапку, в ожидании ответа. Г-н Богданович своим тихим, спокойным голосом объяснил им:

— Если бы я был начальник экспедиции, я бы мог удовлетворить вашу просьбу. Но вы — вы сами лишили меня власти, я — пассажир, и теперь ни за что не отвечаю.

Ещё больше сжался Уайт после такого ответа и пробормотал что-то вроде просьбы: не подбивать, по крайней мере, людей к насилию. И снова г-н Богданович отвечал ему:

— Я считаю себя арестованным. Власть взял в свои руки командир, пусть он и справляется.

Конечно, стоило только два-три слова сказать нашей команде — тут Бог знает, что бы было. Но г-н Богданович потребовал, чтобы мы объяснили команде, что идём в Nome, потому что так надо.

А «Самоа» всё тем же напряжённо-полным ходом шёл к американским берегам. Вот показались и синеющие горы, а вот у их подножья протянулась тонкая белая полоска; в бинокль видно уже хорошо, что это всё белеют палатки, палатки и палатки.

На 80 миль вдоль берега моря тянется эта белая полоса палаток; дальше от берега, в тундре их меньше и совсем мало по склонам и вершинам гор. В этих палатках и двух-трёх десятках деревянных домов ютится до 40 тысяч народу, привлечённого золотой лихорадкой. На рейде против центра этого своеобразного города стоит на якоре десятка три судов самых разнообразных типов, начиная с лёгкой, изящной конструкции таможенных крейсеров до тяжёлых и неуклюжих угольщиков. Лишь только мы подошли, как тотчас же со всех сторон устремились к нам паровые катерки, всевозможные шлюпки и ялики с предложением услуг. Ветер был небольшой, но рейд совершенно открытый, без признаков подобия гавани, и потому буруны набегают на берег очень яростно: высадка здесь отчаянная.

Но вот отдан якорь, и, по распоряжению капитана, его матросы стали-было спускать шлюпку, но Богданович воспротивился. На этот раз они уступили, быть может, испугавшись нашей команды, которую в этот момент я вызвал по команде: «все наверх». Как бы то ни было, но спущена была пароходная шлюпка, и на ней Рейнер отправился на берег. Ветер всё усиливался, начался дождь. На «Самоа» американцев не видно: все сидят по своим каютам. Часов в 10 вечера пришла шлюпка с Рейнером и через час, не смотря на сильную волну, снова пошла на берег и вернулась только в 2 часа ночи. Все наши уже спали, американцы же бодрствовали. Бодрствовали и мы с Николаем и порешили с ним подурочить своих врагов. Он надел свою бурку, которая всегда на американцев производила сильное впечатление, а я облёкся в широкую куртку с высоким воротником, и мы принялись бродить по всей палубе, то сойдёмся, то опять разойдёмся, то пересвиснемся с бака на ют... Смотрим: понемногу на мостик взбирается одна тёмная фигура, за ней другая, третья... Собрались в кучку и тихо разговаривают. Но вот на мостике свиснули, вахтенный, которых никогда раньше не бывало, сорвался с бака, бегом поднялся на мостик (обыкновенно матросы не спешили являться на зов капитана) и, получив какую-то инструкцию, сбежал вниз в матросское помещение... Скоро оттуда показались ещё две фигуры, которые и начали ходить по правому и левому борту судна.

Ни один американец на «Самоа» не спал в эту ночь. Забавляться мне скоро надоело, и я пошёл спать, но Николай так разохотился, что продолжал пугать их своей мрачной фигурой вплоть до рассвета.

Так за весь вечер и за ночь к нам на судно никто из властей не явился. Не появлялся никто и на другой день. Около часу дня мы снялись с якоря и пошли вдоль берега к казармам войск, против которых и бросили якорь. На берег в шлюпке пошёл капитан и Робертс.

Через какой-нибудь час к нашему борту подошла шлюпка. Я вышел посмотреть на прибывших, но лишь только переступил порог двери, ведущей на палубу, как из-за борта один за другим стали появляться американские солдаты. Они тут же примыкали штыки и вкладывали патроны в магазины. Затем они быстро разбежались по судну и заняли все, по их мнению, важные посты. Ими руководил молодой поручик. Затем прибыл старик майор и проследовал в каюту капитана. Сначала появление солдат взбесило было меня, но потом мне стало смешно, и я, взявши фотографический аппарат, пошёл снимать молоденьких американских воинов. Они презабавно напускали на себя грозный вид, очевидно, желая увековечить себя в наиболее грозной позе, но долго не выдерживали и начинали улыбаться.

Я не буду описывать всех подробностей нашего плена, скажу только, что солдаты пробыли у нас на борту 4 дня, затем были сняты, и их заменили таможенные крейсера, ставшие по бокам «Самоа». В начале арест был настолько строгий, что назначено было, например, после 9 часов вечера подниматься из кают-компания по внутренней лестнице, а не го наружной; запрещено было сообщение юта с баком после 9 часов. Мы этого последнего распоряжения не знали, и г-н Богданович, в исходе 9-го часа, просил меня сходить к якутским матросам и взять у них боевые патроны. Я пошёл, благополучно миновал часового, вошёл в каюту матросов, взял у них патроны, положил их в необъятные карманы своей куртки и пошёл обратно. Я внимательно смотрел под ноги, чтобы не запнуться об какой-нибудь канат, как вдруг, поровнявпшь с часовым, скорее почувствовал, чем увидел, что он сделал какое-то быстрое движение, и в ту же минуту у моей груди, касаясь куртки, очутился широкий штык-тесак американского ружья. Часовой что-то крикнул. Из машинного отделения выскочили ещё солдаты и окружили меня. По счастью, дверь в каюту г-на Богдановича (по тому же борту) была отворена, и я его окликнул. Увидя меня в критическом положении, он тотчас же пошёл объясняться с поручиком. Поручик заявил, что после 9 часов сообщение юта с баком прекращается, но приказал тотчас освободить меня.

В эту ночь я заснул под весёлые разговоры и дружный хохот американских солдат, которые, собравшись в кают-компания, усердно уничтожали наше пиво и закуски.

VII.

Причина ареста. — Ном. — Арестованы мы или нет? — Власти в затруднении. — Выручает полковник Эвэнс. — «Якут». — Уход «Самоа». — Мы идём на Камчатку.

На утро мы получили номския газеты и здесь только узнали, почему нас насильно увезли в Номе. Оказалось, что мы, русская часть экспедиции, ни много, ни мало — морские пираты, злоумышлявшие против драгоценной жизни м-ра Робертса и К°, и что американцы вынуждены были так круто поступить с нами. Вот точный перевод одного из газетных сообщений.

РАСКРЫТОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ.

Русские составляют заговор, чтобы захватить пароход «Самоа»! Тридцать славян задумывают преступление, но принуждены сдаться семи решительным американцам!

На пароходе «Самоа», который ещё недавно приходил сюда с Сибирского побережья, произошли новые сильнейшие смуты!

Прежние недоразумения так недавни, что, вероятно, ещё свежи в памяти здешнего населения. Последние же смуты гораздо серьёзнее, даже так серьёзны, что возможно интернациональное столкновение между Штатами и Россией! Все, замешанные в этой истории, упорно молчат о случившемся на «Самоа», и в настоящее время решительно невозможно добиться всех деталей. Из того же, что можно было узнать, видно лишь, что было затеяно грандиозное мошенничество, и если оно не удалось, то только благодаря бдительности и храбрости немногих американцев, которые должны были стать его жертвами. История заключается в следующем.

Несколько времени тому назад «Самоа» отправился к Сибирскому берегу, чтобы перевезти людей и припасы для разработки концессии, которая дана русским правительством синдикату лондонских капиталистов. Предприятие было под управлением Д.Д. Робертса, человека всем известного и хорошо знакомого с коммерческими воротилами страны. С ним был русский гражданский инженер Дадунедич (понимай — Богданович). Кроме того, на судне было около тридцати русских рабочих и семь американцев, приглашённых мистером Робертсом на разные должности.

Ещё до отхода судна, м-р Робертс не совсем был доволен слишком большим количеством иностранцев на борте, так как бывшие раньше опыты научили его не слишком-то доверять их честности.

Вскоре, по выходе судна в море, кой-какие мелочи дали почувствовать, что на «Самоа» не всё ладно. Такое подозрение лишь укрепилось, когда американцы узнали, что русские рабочие, в сущности, оказались казацкими солдатами. Об

этом открытии никому ничего не было сказано, но был учреждён строгий надзор за Дадунедичем и его помощниками. Этот надзор повёл к открытию заговора, точный характер которого до сих пор ещё не выяснен.

Вот, однако, что было дознано.

Намерение русских было завладеть судном, взять в плен американцев, находившихся на нём, отвезти их во внутренние дебри Сибири и бросить их там или убить!

Как только м-р Робертс и его товарищи узнали об этом заговоре, они немедленно вооружились и ждали случая разрушить его. Судно в это время плавало в русских водах, и поэтому решено было прежде всего вывести «Самоа» из под власти царя. Янки выжидали удобный момент, когда однажды ночью все русские спали внизу, и привели свой план в исполнение. Двое вооружённых были поставлены на мостике, один на кормовой части палубы, один на носовой, остальные же расположились в пунктах, откуда бы они могли стрелять с наибольшим успехом и... судно было повёрнуто к американским берегам!!

Когда Дадунедич и его казаки узнали, что их перехитрили, они просто взбесились со злости! Но м-р Робертс и его люди заявили им, что имеется только два выхода: или подчиниться, или драться! Тридцать русских сдались, и семь американцев привели и судно, и пленных в Ном.

Прибыв сюда, м-р Робертс немедленно сообщил властям о случившемся, и в результате на «Самоа» был поставлен военный караул. «Самоа» стоит теперь против Номы и останется там, пока не будут приняты решительные меры против русских злоумышленников.

Всё дело сводится к американской прозорливости и храбрости, противопоставленной рабской хитрости и вероломству...

Янки выиграли!!

Нет возможности словами выразить удивление м-ру Робертсу за его умелое ведение дела, а его подчинённым — за храбрость, с какой они его поддерживали с начала до конца.

** * **

Ну, а покуда суд, да дело, покуда нас никто ни о чём не спрашивал, нам ничего не оставалось делать, как смотреть на берег...

Nome City расположен около устья р. Snake River на биче, т.е. на низкой песчаной прибрежной полосе. Золото найдено было здесь лишь осенью 1898 г. и с тех пор начался прилив сюда людей. В 1900 г., когда мы там были, приезжих числилось более 80 тысяч. Работа идёт и на биче, и в тундре, и в горах. На биче может добывать каждый желающий безданно, беспошлинно, тундра же и горы разбиты на участки (claim) величиной около 7,5 десятин, и пользоваться ими можно с платой 5 рублей за отвод.

Как у нас в Сибири возникали золотоприисковые республики, так и здесь быстро было организовано самоуправление, пожарная команда, санитарный совет, госпитальный отряд, благотворительные учреждения.

Правительство не только не стесняло новую общину, но дало ей почтовое отделение, войско для охраны прав частных лиц и таможду.

Теперь здесь имеется уже три газеты, береговая железная дорога, электрические фонари, не говоря уже о массе притонов, приноровленных ко всевозможным видам обирания. Цены на всё страшные и колеблются в зависимости от состояния моря, т.е. от подвоза и выгрузки товаров. Колеблются же они весьма значительно. Так, напр., цена на уголь в среднем 50 руб. тонна, но бывали периоды, когда платили по 140 рублей и даже до 250 руб. за тонну. Стоимость рабочих сил также очень меняется: от 10 до 24 руб. в день на человека и от 60 до 600 руб. в день за пару лошадей. Когда мне пришлось быть в самом Ном'е, то за завтрак из куска мяса и чашки кофе с хлебом и бутылкой пива с меня взяли 3 доллара, т.е. 6 руб. Самый обыкновенный штопор в лавке Alaska Comm. Company стоил 2 руб. Денег в обращении, видно, мало, и в каждой лавчонке, в каждом кабаке стоят весы для взвешивания золота.

* * *

Прошло четыре дня, а мы все ещё не знали ничего о своей судьбе. Американцы завладели нашими шлюпками и катером и большую часть времени проводили на берегу.

Власти с нами были любезны. Майор несколько раз приглашал г-на Богдановича к себе «чайку попить». Г-н Богданович объяснял ему, что он, в качестве арестованного, не может съехать на берег. Майор горячо возражал, говоря, что арестовано судно, но не мы. Г-н Богданович всё-таки не соглашался и аргументировал приблизительно так: «Если я свободный, полноправный человек, то могу быть там, где мне нужно быть, и делать то, что мне нужно делать. Мне нужно быть в Сибири, мне нужно искать золото. А вместо того, я сижу в Номе и не работаю. Доверенным мне имуществом экспедиции распоряжаются другие лица без моего согласия. Раньше надо мной было произведено насилие пьяным капитаном, теперь поступок пьяного капитана санкционирован властями, и без моего согласия и разрешения на судне живут американские солдаты. Я считаю себя лишённым своих прав и свободы передвижения, т.е. арестованным».

С приездом в Ном'ъ капитана Джарвиса и полковника Эвэнса дело переменялось. Эти люди понимали, что неприлично держать под арестом, да ещё военным, русского чиновника, матросов и казаков. Кроме того, для всех

стала ясной ложь американцев о наших пиратских стремлениях. Предстояла не лёгкая задача уладить дело.

Г-н Богданович выставил следующие требования: 1) все американские члены экспедиции должны быть немедленно удалены с «Самоа» и 2) «Самоа» немедленно должен идти к берегам Сибири, в бухту Провидения.

Первое требование удовлетворить было легко, но второе оказалось невыполнимым, потому что капитан Джансон, зная, что в бухту Провидения придёт «Якут», боялся ареста и на отрез отказался идти в Сибирь. Номские власти оказались бессильными. Они предлагали комбинацию за комбинацией, но встречали с обеих сторон непоколебимое упорство. Наконец, почти уже решили, что придётся «Самоа» отправить в С.-Франциско. Г-н Богданович отвечал на это, что насильно его могут везти куда угодно, но чтобы власти не забывали, что «Самоа» ушёл от Сибирских берегов неожиданно, ночью, так что даже чукчи не знают, где он теперь. «Якут» придёт и, не найдя нас, конечно, отправится искать. Удобно ли, чтобы русское военное судно в бурное осеннее время искало «Самоа» даже в Ледовитом океане?

Да. Это было не совсем удобно. Но что же делать? Выручил полковник Эвэнс: он пожертвовал собой, согласившись идти на «Самоа» в качестве защитника капитана. Американцев выселили, и мы, потерявши 7 дней, пошли в бухту Провидения. «Якут» ещё не приходил, и поэтому мы занялись разведкой Оленной реки, получая всё более и более интересные данные. 26-го пришёл «Якут».

Наши рассказы о минувших приключениях во вкусе Купера возбуждали то негодование, то смех. Командир «Якута» назначил комиссию для производства следствия. Капитан Джансон дал показания, идущие совершенно в разрез с показаниями, данными им же в Ном'е, вся команда показала в нашу пользу. Наконец, все опрошены, подписи получены. Г-н Богданович решил весь груз с «Самоа» сложить на берегу, за исключением того, что можно было надеяться продать в Петропавловске.

27-го августа мы все переселились на «Якут», и в тот же день разыгрался заключительный аккорд наших русско-американских отношений.

Джансон напился до бесчувствия и в пьяном виде уверял, что все подлецы, один Богданович — порядочный человек. Попрощались мы с Эвэнсом, офицерами «Самоа» и экипажем и отошли на «Якут». В море ревел шторм, но Джансон развёл пары и, не смотря на мольбы Эвенса остаться, не смотря на полное отсутствие балласта и осадку в 5 фут. всего, салютуя нам, вышел в туманное бурное море.

На другой день при сравнительно тихой погоде покинули и мы бухту Провидения, держа курс в Петропавловск на Камчатке.

Прощай, Чукотский полуостров!



Александр Геннадьевич Мягков
(31.08.1870 – 1960)

На фото: А.Г. Мягков (Эфиопия, 1904 г.; фотография предоставлена В. Вебером)

Родился в 1870 г. в Казани в дворянской семье. Племянник литературного критика и публициста Николая Константиновича Михайловского (1842–1904). [Гл. редактор журнала «Русское богатство» в 1895-1904 г.г. – А.Д.] Детство провел в усадьбе Селищи Костромской губ. Окончил Селищенское земское начальное училище, затем Костромское реальное училище на Мшанской улице (1883-1889). Как и его дядя Н.К. Михайловский, Александр придерживался народнических взглядов. Окончив в 1889 году реальное училище, он той же осенью поступил в Петербургский технологический институт, однако уже весной 1890 года был отчислен за участие в студенческой сходке (с этого же времени А.Г. Мягков много лет состоял под негласным надзором полиции). Осенью 1890 года поступил в Горный институт. Учился на горного инженера, но в 1893 году вынужден был уйти с третьего курса института, так как природный недостаток зрения (дальтонизм) не позволил ему изучать минералогию и ряд других наук. В 1893-1899 гг. работал начальником партии на строительстве Транссибирской железной дороги, в составе различных геологических экспедиций искал золото в Сибири, на Чукотке и в Манчжурии. В конце 1903 года он в качестве помощника начальника экспедиции отправился для изучения золотоносных месторождений в Абиссинию (Эфиопию), где и провел весь 1904 год. Женат на Вере Викторовне Мягковой (урожд. Савинковой) (сконч. 1942), сестре руководителя боевой организации партии эсеров Бориса Викторовича Савинкова. Отец Л.А. Успенской (урожд. Савинковой-Мягковой). В 1918 г. выехал в г. Житомир (Украина), затем переехал в Польшу (1921). Вскоре семью Мягковых выслали в Прагу. Член Успенского православного братства в Праге. Скончался в 1960 г. в Праге. [по другим сведениям скончался в 1952 году – А.Д.] Похоронен на Ольшанском кладбище в Праге.

http://zarubezhje.narod.ru/mp/m_134.htm